

Колдовские

Миры

Чертополох

ЛЕСОВИЧКА

ВАРВАРА ШИХАРЕВА

Annotation

Ее прежняя жизнь сторела в пламени осажденного города, а горечь предательства легла на сердце тяжелым камнем, но травница Эрка Ирташ не сломалась, а ее душа по-прежнему полна отваги и сострадания. Да только достаточно ли этого, чтобы спутать все планы пришедшему в ее край грозному тысячнику-колдуну Олдеру по прозвищу Амэнский Коршун, который до сего дня не знал поражений? И стоит ли верить словам любви молодого владельца Ставгара, что упрямо пытается загладить свою нечаянную вину перед живой среди густого леса травницей? Хозяин троп человеческих сплел судьбы этих троих в сложный узор, в котором смешались старые долг и, колдовство и неисполненные клятвы. Узлы чародейского плетения стянулись так крепко, что теперь лишь время покажет, чем станет молодая женщина для двух заклятых врагов — гибелью или спасением, и какой путь изберет для себя сама травница.

Варвара Шихарева

Чертополох. Лесовичка

© Шихарева В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1. Незванные гости

Иногда просто диву даёшься, сколько сил и времени требуется на то, чтобы просто поддержать в надлежащем виде налаженные быт и хозяйство, которые вроде бы и не очень большие, но... То прохудившуюся кровлю надо подлатать, то тын поправить, то перегородки в хлеву починить... А если вспомнить, что уже без малого четыре года я — вдова... Конечно, можно было бы позвать кого-то из деревенских, но я просила о подмоге Марека или Роско лишь в крайних случаях, стараясь общаться с соседями пореже: на мужскую помощь не полагалась, уже давно привыкнув всё делать сама. А потому, захватив топор, я с утра отправилась к примеченным мною ранее двум тонким сосенкам.

Угостив лесовика лепёшкой с мёдом, дабы не сердился за причинённый ущерб, я принялась за дело. В этот раз задерживаться надолго в лесу мне не хотелось, но, свалив деревца, я всё же решила передохнуть. Вытерев со лба пот — с самого утра парило немилосердно, — я только и успела, что выпить пару глотков воды из фляги, как сзади раздалось:

— И что же это ты одна по лесу бродишь? Никак мужика ищешь?

Я обернулась на голос. На краю полянки стоял не кто иной, как Ласло Гордек — толстые, короткие пальцы засунуты за узкий пояс, над которым нависает объёмистое брюшко, кривые ноги широко расставлены, по лицу гуляет масляная, похабная улыбка... Гордеки — первые на всю округу задиры и потаскуны, а их до невозможности затюканные жёны пребывают лишь в двух состояниях — либо избиты, либо беременны...

— Шёл бы ты своей дорогой, Ласло... — Проследив, куда направлен взгляд Гордека, я потуже стянула на груди шнуровку рубахи и, в свою очередь, покосилась на лежащий у ног топор...

— Так я и шёл, а тут ты... — Теперь Ласло усмехался во весь рот. — Вся такая запыхавшаяся, зарумянившаяся... Может, отдохнём на травке, а я тебя приголублю — чай, соскучилась без мужика-то!

Произнеся последнюю тираду, Ласло стал вразвалочку подходить ко мне, а я споро нагнулась за своим немудрёным оружием и, ухватив его, распрямилась и произнесла:

— Только подойди, и я сама тебя приголублю... Топором по темечку!

Ласло остановился и снова усмехнулся.

— А медведем уже не пугаешь, ведьма? Или косолапые тебе больше не подчиняются?

— Подчиняются, да только на тебя и топора хватит... — Мне при таких раскладах, наверное, стоило бы волком завывать, но я, вспомнив, как в прошлом году драпал с почти вот такой же лесной полянки старший брат Ласло, не выдержала и улыбнулась. Жаждающий любовных утех Берко подловил меня возле малинника, но его пьяный крик: «Попалась, вдовушка!» — потревожил лакомящегося спелыми ягодами медведя. Лесной хозяин высунул голову из кустов и громко, выражая своё недовольство, рыкнул — этого хватило, чтобы Берко, придерживая уже наполовину — не терпелось ему!!! — спущенные штаны, пустился наутёк... А меня с той поры в деревне стали именовать не только травницей или бэрской жёнкой, но и ведьмой — две дурочки даже за приворотным зельем приходили и очень обиделись, когда я их с такой просьбой послала куда подальше...

Увы, скользнувшую по моим губам улыбку Ласло истолковал по-своему и снова двинулся вперёд, приговаривая:

— Ну что же ты кочевряжишься!.. Бабы для того и созданы, чтоб ноги раздвигать!

И тут из-за деревьев раздалось грозное:

— Гр-р-р-р!!!

Ласло, мгновенно изменившись в лице, застыл на месте столбом, а справа от меня заколыхались сосновые лапы и раздалось повторное — ещё более сердитое и раскатистое:

— Гр-р-р-р!!! Р-р-р-р!!!

Ласло как-то нехорошо позеленел и что было мочи бросился наутёк, а я, перехватив топор поудобнее, развернулась навстречу рассерженному зверю. Всё равно бежать от косолапого — последнее дело: при желании медведь человека в два счёта догонит...

— Ишь ты, смелая... — вдруг произнёс за деревьями низкий, хриловатый голос. Ветки раздвинулись, и на полянку вместо медведя вышел высокий воин в полных амэнских латах... А он-то откуда здесь взялся?!! Наш князь их войско под Эрглем ждёт!!!

Солнечные лучи заиграли на массивном нагруднике латника, и я, рассмотрев украшающую его эмблему, помертвела, а внезапно ставший неподъёмно тяжёлым топор едва не выскользнул у меня из рук... «Карающий!!!»... Мой детский кошмар, моя несостоявшаяся когда-то смерть всё-таки нагнали меня... Предки-заступники, пусть это надо мною за срубленные сосенки леший изгаляется!.. Пусть...

Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться: из-за деревьев появились ещё с десятков воинов — их арбалеты были нацелены на меня, а первый подошёл ко мне и сказал:

— Отдай топор, лесовичка... Не дури...

Я послушно разжала пальцы: даже если и ударю, то в следующее мгновение стрелы остальных меня догонят... Амэнец, перехватив топор одной рукою, другой коснулся моей щеки, заглянул в глаза...

— Умница... Не бойся, не обидим... В деревне живёшь?

Я отрицательно качнула головой. У моего воплощённого кошмара одно плечо было явно выше другого, а ещё он был смугл и полностью сед, несмотря на то что исполнилось ему никак не больше тридцати семи — тридцати восьми. Ну а такого выразительного лица с по-мальчишески ехидной и лукавой улыбкой я никогда в жизни не видела... Впрочем, как и настолько чёрных, бездонных глаз... А ведь «Карающий» — колдун, и не из слабых, такое я сразу отличу...

Амэнец тоже словно бы что-то почуял — отвёл взгляд, отстранился...

— Что ж, так даже лучше. Проводи нас к своему дому — только без выкрутасов!.. Эй, свяжи ей руки! — Это уже подоспевшему к нему ратнику. Тот со знанием дела принялся выкручивать мне локти. Я по-прежнему не сопротивлялась — смысл?.. К деревне эту саранчу я хоть так, хоть иначе не провела бы, а на заимке они никому, кроме кур да коз, не навредят, да и я получу хоть немного времени... И, кажется, я знаю, откуда они здесь взялись...

— Правильно ты этому красномордому не дала. — Амэнец стянул последний узел, усмехнулся. — Все деревенские рохли — трусы, не то что мы... — Тут «Карающий» неожиданно наклонился вперёд, и я почувствовала, как его губы коснулись моих... Вот только пылко поцелуя не получилось — сковавший меня первый, почти животный страх схлынул, так что через миг не в меру ретивый амэнец отскочил от меня как ошпаренный, а по его подбородку потекла тонкая струйка крови.

— Что ж ты кусаешься, кошка дикая!.. Я же шутя!!!

Остальные воины, увидев такой поворот дела, просто зашлись оглушительным хохотом,

который лесное эхо тут же переиначило на все голоса, а я досадливо поморщилась — ничего весёлого или приятного я в ухаживаниях амэнца не видела... Ратник между тем вытер с подбородка кровь и усмехнулся.

— Знаешь, а мне нравятся такие норовистые — в них огня много... Может, попробуем ещё раз? — Он уже сделал шаг ко мне, когда кривоплечий, явно бывший среди этих амэнцев старшим, решил вмешаться.

— Не распускай свой фазаний хвост, Ильмарк! Не видишь, что ли, — госпожа дикарка не в настроении, с самого утра ухажёров топором гоняет... Притомилась... — Яда в голосе седого хватило бы на десяток гадюк — неудивительно, что смех ратников мгновенно затих, да и Ильмарк, услышав такие слова, сник, сразу же растеряв всю свою наглую уверенность. Кривоплечий же подошёл ко мне и ледяным тоном приказал: — Ну что ж, веди...

Дорогу к своему лесному жилью я нашла бы и с закрытыми глазами, так что ничто не мешало думать, пока я медленно вела амэнцев сквозь чащу... Вряд ли «Карающие», если б их был всего десяток, вели себя во вражеском лесу столь нагло и по-хозяйски, а значит, я столкнулась с авангардом. Разведчиками, долженствующими разузнать дорогу для остальных вооружённых до зубов воинов, которые наверняка притаились где-то неподалёку... Большой отряд никак не мог попасть к нам посуху, минуя княжеские заставы, но вот по реке... Протекающая неподалёку Лерия на землях астарцев впадает аккуратно во Внутреннее море, а поскольку их владыка в союзе со всеми и, одновременно, ни с кем, он вполне мог пропустить корабли амэнцев вверх по течению. Ну а густые леса, покрывающее берега Лерии, послужили отрядам «Карающих» надёжным укрытием... Я тяжело вздохнула — в пользу моей догадки говорило и то, что вчера я тщетно дожидалась на берегу для привычной мены старого Корно из Выселок — их деревенька стоит как раз на берегу Лерии, немного ниже по течению. Вначале я решила, что его задержали какие-то дела, но теперь мне было ясно, что безобидный обожающий мёд старик уже сутки мёртв. Так же как и другие обитатели Выселок — «Карающие» хуже чумы, они никого и никогда не щадят... Уж я-то знаю...

Мой горький вздох не остался незамеченным — тяжёлая рука тут же опустилась мне на плечо и кривоплечий шепнул:

— Если почувствую, что хитришь, лесовичка, то рассержусь. Усекла?

Вместо ответа я лишь мотнула головой в сторону образовавшегося просвета между деревьями — в нём как раз виднелись угол больше чем наполовину вкопанного в землю старого дома и колодец с журавлём. Кривоплечий предостерегающе поднял руку, и воины позади нас замерли как по волшебству, а ещё через пару мгновений четверо ратников, повинаясь короткому приказу командира, осторожно двинулись в обход дома, держа оружие наготове. Я же, видя их осторожную и вместе с тем хищную повадку, впервые порадовалась тому, что все дорогие мне люди уже спят в сырой земле: мёртвым всё равно, и даже амэнцы не смогут им навредить...

А ведь если б Ирко был жив, он бы наверняка бросился мне на помощь, да только что бы он мог противопоставить вооружённым до зубов амэнцам, кроме своей воистину медвежьей силы и рогатины?.. Нет, «Карающие» не убили бы его сразу — за непокорство быстрой смертью от них не отделаешься!!! Они бы ранили его, скрутили по рукам и ногам, а потом заставили бы смотреть, как их товарищи по очереди насилуют меня... Именно так амэнцы поступили с моим братом, которого отец, уходя защищать стены города, оставил с семьёй. Один из «Карающих» держал связанного Мику за волосы, а остальные изгалялись над матерью и старшей сестрой...

А если бы от лесной лихорадки год назад не умерла Мали — моя единственная отрада, моя кровиночка! — кривоплечий, заполучив в свои лапы кроху, мог бы из меня верёвки вить!.. Из-за страха за жизнь дочки я бы пошла на всё что угодно: на животе перед ним ползала бы, сапоги бы ему выцеловывала... Так уж получается, что больше всего боятся те, кому есть что терять, но мне по воле предков страшиться уже нечего... Я свободна как в своём выборе, так и в своей смерти...

— Что же ты одна в такой глухомани живёшь?.. — Выслушавший доклад вернувшихся разведчиков глава отряда опять повернулся ко мне. — А если помощь понадобится или звери дикие?

В его хрипловатом голосе сквозь привычную иронию проступило что-то, похожее на сочувствие, но на меня внезапная жалость амэнского душегуба подействовала точно шпоры, загнанные в бока породистой лошади. Убаюканная было память уже напомнила мне, чего стоят как улыбки, так и любые слова «Карающих»!

— Помощи не жду, а что до диких зверей, так от них я зла не видела. Разве что от людей...

Услышав такую дерзость, кривоплечий наградил меня новым, уже совсем нехорошим, пристальным взглядом и медленно произнёс:

— Человек человеку — волк, это правда, вот только как до этой истины додумалась лесная дикарка?

Бездонная глубина глаз поседевшего до времени амэнца стала действительно страшной, и я поспешила отвести взгляд. Нечего ему до поры до времени знать, что творится у меня в душе.

— У меня мужа разбойники изранили. Прямо на тракте...

Это была правда. Далеко не вся, конечно, но кривоплечему, на моё счастье, хватило и этого. Задумчиво кивнув, он тут же потерял ко мне интерес, переключив своё начальственное внимание на рассыпавшихся по моему подворью подчинённых.

Следующий час я, сидя на завалинке, с полнейшим безразличием наблюдала, как амэнцы в пух и прах разносят моё хозяйство. Они умудрились утопить в колодце ведро, ради супа свернули головы моим лучшим несушкам, окончательно повалили тын и в поисках укропа и лука вытоптали сапогами весь огород. Даже из сарая доносилось возмущённое меканье коз напополам с печальным коровьим мычанием, и лишь стоящие на отшибе стройные ряды ульев не пострадали — то ли амэнцы не любили мёд, то ли опасались пчелиных жал...

Не успела как следует задуматься над этим вопросом, как из открытого окошка, под которым я сидела, раздался жалобный звяк разбитой миски, и я наконец-то ощутила... Нет, не возмущение, а обычное удивление: ну как ратники могут быть такими криволапыми?.. Хотя, в общем-то, к чему амэнцам осторожничать — не своё, не жалко, но вот я... Я ведь и на огород, и на кур, и на дом столько сил положила — работала не разгибаясь, а теперь мне всё равно. Наверное, потому, что вечными хлопотами я старалась отгородиться от собственной памяти, а теперь это не нужно, да и ничего действительно ценного в доме нет, по-настоящему дорогие для меня вещи я храню в тайнике среди разросшихся за банькой лопухов. Обретённая после пожара и побега из Реймета привычка долгие годы даже мне самой казалась совершенно глупой, а теперь получается, что я всё это время подспудно ожидала чего-то подобного...

И теперь пришёл час напомнить самой себе, что мое имя — не Эрка, а Энейра, я знаю

историю и географию, умею правильно говорить, бегло читаю и пишу, а заодно легко могу пояснить значения гербов знатных крейговских семейств. Эти навыки и имя совершенно не вяжутся с засевшей в лесной глуши, одевающейся по-мужски дикаркой с кое-как заплетённой растрёпанной косой, но я была такой не всегда.

Мой отец, Мартиар Ирташ, происходил из рода пусть и небогатого, но древнего. Тем не менее на нашем гербе красовались не мифические чудовища или хищные птицы, а вставал на дыбы разорвавший узду конь. Отец, как и его деды и прадеды, всем занятиям предпочитал воинское, а ещё раз в год он брал всю семью в княжеский замок — там главы благородных родов, целуя руку сидящему на троне Крейговскому Владыке, вновь повторяли свою клятву верности. От домашних же требовалось не ударить в грязь лицом, а потому я с малолетства была приучена носить длинные юбки и тесные, тяжёлые платья, а ещё держаться с достоинством, невзирая на окружающий и удивляющий тебя шум, блеск и гам... И это у меня очень неплохо получалось, но ровно до тех пор, пока в материнское воспитание не вмешивалась прабабка — она сама воспитала отца, потерявшего родителей ещё в малолетстве, и теперь жила с нами. Несмотря на почтенный возраст и покрытое морщинами лицо, она оставалась сухой и подвижной, точно ртуть, а её интересы простирались далеко за пределы дома. Нарсия Ирташ смыслила в колдовстве и хорошо разбиралась в травах, а потому каждый день ходила в больницу для бедных, находившуюся на попечении жриц Малики. Там она вскрывала нарывы и учила молоденьких жриц готовить мази и накладывать компрессы, а потом, так и не растратив всех жизненных сил, возвращалась домой и, увидев, как мать учит нас вышивать бисером, не выдерживала:

— Эльмина, ну зачем ты растишь из девочек садовые цветы? Они ведь совершенно бесполезны!!!

Мать на эту гневную тираду лишь вежливо улыбалась.

— Я так не думаю, матушка. Красота умягчает сердце и радует душу.

— Угу, — услышав такое или подобное замечание, прабабка распалялась ещё больше. — Вот только много ли останется от такой красоты, когда придут ненастье и град?! А?

Вид рассыпающей громы и молнии крошечной прабабки был грозен и смешон одновременно, и мы с Элгеей, не выдержав, начинали хихикать, прячась за пальцами. Мать бросала на нас осуждающий взгляд, а Нарсия между тем продолжала:

— Если уж решила растить из детей цветы, то воспитывай не розы и лилии, а чертополох! Этому колючему сорняку ни град, ни засуха нипочём, и даже если конь его затопчет, он найдёт в себе силы распрямиться!

Произнеся очередное восхваление живучести сорняков, прабабка величественно удалялась из комнаты, а мать, возведя очи горе, только и могла произнести.

— О, боги...

Вечный спор матери и прабабки разрешила сама жизнь — отец получил назначение в находящийся на границе с Амэном Реймет и, конечно же, забрал нас всех с собой. Прячущийся за стенами столетней крепости городок оказался маленьким, почти игрушечным, особенно если сравнивать его с тем же Ильё, но я полюбила его сразу и всей душой. Прихотливо извивающиеся улочки Реймета отличались какой-то уютной чистотой, а обитатели городка были намного приветливей жителей столицы. Они никогда не суежились, не толкались впопыхах, а неожиданный вопрос сопливой девчонки вызывал у них не глухое раздражение, а улыбку и желание помочь. А ещё они оказались удивительными мастерами: не только возле крошечных лавочек, но и подле входной двери обычного дома можно было

стоять часами, любуясь резьбой, в которой причудливо переплетались древесные ветви, цветы и птицы...

В общем, если в Ильйо я смиренно сидела дома, то в Реймете пристрастилась к длительным прогулкам, ну а члены моей семьи между тем тоже сживались с городом, но каждый по-своему. Пока отец укреплял стены и углублял колодцы, а мать обустривала дом, прабабка самолично отправилась в казармы «Лисов» и выяснила причину снедающего гарнизон города повального несварения желудка. Сотников, кормящих солдат тухлятиной, вкупе со вступившими с ними в сговор купцами отец, согласуясь с лендовским обычаем, вначале прогнал сквозь строй, а лишь затем, уже по крейговскому закону, забил в колодки и отправил в Ильйо для суда. За этот поступок «Лисы» прониклись к моему отцу настоящим уважением, а прабабка в их глазах стала подлинной героиней, но Нарсия Ирташ не собиралась бездумно купаться в лучах славы, а продолжала заниматься делом.

Городской лекарь, который по договору должен был лечить гарнизонных ратников, был неплохим врачом, но в силу возраста уже не справлялся со всеми своими обязанностями. Прабабка, недолго думая, предложила ему содействие, а потом ещё и пообещала воспитать толковых помощников. Себе же в подмогу она взяла меня. Так я стала знакомиться с тайнами трав и мазей, льняными бинтами и нарывами. Не всё в таком обучении было приятно, да и уставала я сильно, но от прабабкиной юбки меня теперь не оторвали бы никакие силы. Тогда мне уже исполнилось одиннадцать, я видела, что поглощённого делами отца снедает тревога, и понимала, что хлопоты прабабки помогают ему гораздо больше, чем новая, расшитая матерью скатерть на столе...

Впрочем, некоторые почерпнутые из общения с «Лисами» знания были тогда явно лишними. Когда я, нечаянно обжёгшись за обедом, повторила то, что услышала от одного из ратников, у матери из рук выпала ложка, а Мика, пытаясь сдержать душащий его смех, громко зафыркал. Отец же серьёзно посмотрел на меня и спросил:

— Малышка, ты понимаешь, что сейчас сказала?

Я ответила, что нет, но это словосочетание мне кажется очень подходящим для такого случая. Отец улыбнулся.

— Подходит-то оно подходит, но... Пообещай мне, что больше никогда не будешь произносить вслух непонятных слов, а я после обеда поясню тебе значение этой фразы.

Я согласно кивнула, и обед продолжился как ни в чём не бывало, зато после трапезы у меня едва уши от стыда не сгорели, когда я узнала, что лягнула. К счастью, больше никаких последствий этот случай не имел — отец не отстранил меня ни от прабабки, ни соответственно от казарм, несмотря на то что мать пыталась настоять на прекращении такого времяпрепровождения... А потом наступила зима, а вместе с ней пришли амэнцы...

Появление амэнской армии было внезапным, но отца уже давно тревожило странное затишье на границе, и он то и дело высылал по округе дозорных. Теперь же благодаря предупреждению разезда он успел послать к князю и сопредельным старейшинам зов о помощи, да только мы её так и не получили. Старейшины намертво засели в своих вотчинах, они — совершенно напрасно, как выяснилось впоследствии, — рассчитывали на то, что амэнцы, удовлетворившись Рейметом, не станут по такому морозу рыскать в соседние поселения, а от князя через несколько дней прилетел сизый почтовый голубь с письмом, в котором было лишь одно слово: «Ждите»...

Мы ждали княжеских войск с отчаянной надеждой. Ждал их мой отец, с завидным упорством отбивая участвовавшие атаки амэнцев. Ждал простой люд, вышедший на стены

родного города, чтобы защищать его вместе с «Лисами». Ждали женщины, готовящие укрощающее боль питье для раненых, ждали дети и старики... Ждали все...

Тщетно... Один день следовал за другим: понемногу вышли все возможные сроки подхода княжеских войск, а помощи по-прежнему не было. Еды и воды нам хватало, но ряды «Лисов» редели на глазах, и когда прошла ещё одна неделя, отец решился на переговоры о сдаче. Он выехал за стены Реймета в полдень, а вернулся, когда уже стемнело.

Я как раз аккуратно складывала полотно для перевязок, когда в комнату вошёл отец и, склонив голову, опустился на колени перед сидящей в кресле прабабкой. Нарсия наклонилась и ласково огладила рукою тёмно-русые волосы отца:

— Что случилось?

— Матушка... — Голос отца был полон болью и горечью. — Подмоги нет и, верно, уже не будет. Я пошёл на переговоры с амэнцами. Они обещали отпустить женщин, детей и стариков, но остальные мужчины города, «Лисы» и я сам станем их пленниками...

Рука прабабки замерла на склонённой голове отца.

— Ты им веришь?

Отец вздохнул.

— Лишь командующему авангардом, но он не главный, а остальные... — Отец замолчал, словно бы подбирая то слово, которое лучше всего объяснит его боль и тревогу, и после недолгого колебания произнёс: — Остальные улыбались...

Прабабка распрямилась в своём кресле и тихо произнесла:

— Улыбкам амэнцев доверять нельзя...

Отец тяжело вздохнул и встал с колен. За эти минуты он словно бы постарел на пять лет, но голос его был уже твёрдым и спокойным.

— Я тоже это почувствовал, но тешил себя надеждой... Спасибо, матушка. Теперь я уверен.

Прабабка поднялась из кресла, и, шагнув к отцу, положила руки ему на грудь.

— Делай что должно, Мартиар Ирташ, и будь что будет, а я сделаю то же самое...

Вместо ответа отец поцеловал руки прабабки и вышел из комнаты. Больше я его не видела — ни живым, ни мёртвым.

На следующее утро начался штурм, прабабка ушла к раненым, не взяв в этот раз меня с собой, и в доме остались лишь мать, сестра и шестнадцатилетний Мика. Он с самого начала осады рвался на стены, но отец велел ему оставаться дома и защищать нас. Мика в ответ кричал, что он — Ирташ, что его место рядом с «Лисами», что сидеть возле печки для него, когда даже домашняя прислуга воюет, — трусость и позор, но отец оставался непреклонен, а брат не мог пойти против отцовской воли...

Теперь стремительный, гибкий, как ветка, Мика мерил шагами обеденную залу и то и дело оглаживал рукоять висящего у пояса тонкого меча; мать и сестра были заняты привычным вышиванием, а я пыталась то читать, то играть с недавно подаренной куклой, но слова никак не хотели обретать смысл, а роскошная, одетая в парчу красавица с лукавой улыбкой — она, по замыслу матери, должна была немного отвлечь меня от сидения подле прабабки — казалась яркой и неуклюжей. Время было уже обеденное. На столе остывала еда, но к ней так никто и не прикоснулся, а когда с улицы донёсся усиливающийся шум, мы все одновременно вздрогнули. И замерли, точно не веря...

Мика опомнился первым — он подбежал ко мне и, сунув в руки опостылевшую куклу, потащил в сторону огромной печки, обогревающей сразу несколько комнат. Дом, в котором

мы жили, перестраивался и переделывался не один раз, и в результате между печкой и стеной образовался крошечный закуток, в который можно было попасть, отодвинув одну из досок обшивки. Этот тайник обнаружила я, когда несколько месяцев назад играла с Микой в прятки, но с тех пор никогда не пользовалась своей находкой, потому что брат, когда ему выпадало водить, проверял печной закуток в первую очередь. Теперь же Мика отодвинул доски, быстро втолкнул меня в тайник, прошептал: «Что бы ни происходило — молчи!» Затем аккуратно приладил доску на место и крикнул матери с сестрою: «Идите к себе и запритесь!»

Оказавшись в закутке, я немедленно приникла к щели, находившейся в опасной близости от чугунной, встроенной в бок печи дверцы. Больше не нужная, она была наглухо закрыта, но это не мешало ей раскалиться до предела и источать жар. Но сейчас мне было не до таких мелочей — я видела, как побледневшая мать увела внезапно расплакавшуюся Элгею на верхний этаж, а Мика, задвинув засов ведущей на кухню и к чёрному ходу двери, сам встал на страже у центральной лестницы. Ждать ему пришлось недолго: шум нарастал, и теперь даже сквозь плотно закрытые ставни были слышны яростные выкрики, конское ржание и звон оружия, а потом снизу раздались тяжёлые ритмичные удары — это ломали дверь. Железо и дуб не поддавались, но удары становились всё сильнее, и вскоре громкий треск и грохот упавшей двери оповестили о том, что захватчики уже в доме.

Мика метнулся на лестничную площадку — я увидела, как мелькнула его спина в дверном проёме, услышала звон стали и грубые голоса... Ещё через пару минут Мика снова появился в комнате — он отступал, с трудом сдерживая натиск высокого воина в заляпанном кровью нагруднике с чеканным изображением всадника, поднявшего вверх плётку... В какой-то момент брат словно оступился — я едва не закричала от ужаса, а воин, шагнув вперёд, широко взмахнул мечом, но Мика, распрямившись как пружина, внезапно повернулся, будто танцуя, и его меч описал широкую дугу. Амэнец засипел и рухнул на пол лицом вниз, но эта победа не дала брату даже минутной отсрочки — теперь в комнату вломились уже трое амэнцев, на нагрудниках которых была всё та же эмблема. Мика сделал шаг назад и, чуть согнув левую ногу, снова взял меч на изготовку, а один из захватчиков — худой, словно жердь, с изуродованным шрамом лицом, произнёс:

— Прекращай чудить, и умрёшь быстро. Обещаю.

Вместо ответа Мика ринулся вперёд в каком-то совершенно безумном выпаде, и стоящий рядом с ним амэнец схватился руками за разрубленное лицо... Мика очень гордился тем, что впервые сел на коня в три года, а уже с семи отец стал учить его владению мечом, так что в шестнадцать мой брат уже многое знал и умел... Но, к сожалению, его знания касались только учебных поединков на плацу. Пока Мика отбивался от приятеля амэнца, подоспевшего на помощь раненому, худой, быстро оглядев комнату, бросился к ведущей на кухню двери и, сдвинув засов, громко крикнул: «Сюда!!!» Ещё через минуту в комнате было уже никак не меньше восьмерых амэнцев — они быстро оттеснили брата в угол, выбили у него из рук меч...

И вот уже израненный, с разбитым лицом Мика лежит на полу, а один из амэнцев вяжет ему руки за спиной. Другие же рассыпались по всему дому — я слышала, как они перекликаются друг с другом, как выбивают двери... В комнате остался лишь связанный Мика и худой воин со шрамом. Он сел прямо на стол и, взяв кувшин со слабым вином, отпил из него, но тут же сплюнул на пол.

— Тьфу, кислятина!.. И вино у вас, крейговцев, негодное, и кровь жидкая...

— Ты, тварь... — Мика с ненавистью взглянул на амэнца. — Трусливый ублюдок!

Худой усмехнулся...

— Не, малыш... Я — «Карающий»! Я здесь и князь, и бог! — А потом он встал и, подошедши к Мике, вылил содержимое кувшина ему на голову. — Потерпи ещё немного, щенок, — сейчас мы узнаем, кого ты так отчаянно защищал!

И тут же обшарившие весь дом амэнцы втолкнули в комнату мать и сестру. Элгея плакала и что-то бессвязно лепетала, а мать — до странности бледная и омертвевшая — не произнесла ни слова и двигалась точно во сне. Худой же, увидев их, просто расплылся в улыбке.

— О-о-о, какие свежие розы!.. Какие нежные голубки! — Он подошёл к сестре и взял её за подбородок. — Ну, куколка, признайся дяде Лемейру, ты уже с кем-нибудь целовалась?

Элгея пролепетала едва слышное «не надо», и «Карающий» тут же отвесил ей пощёчину.

— Дура! — А потом он повернулся к остальным сгрудившимся в комнате амэнцам. — Ну, кто желает вкусить нектар этого цветочка, становись в очередь!

В рядах воинов началось какое-то движение, ратники загудели, словно стая шершней, и кто-то крикнул:

— У старшей грудь больше и зад круглее!

Худой взмахнул рукой.

— Да тише вы! Мамашу тоже не обидим — приласкаем как следует... Я даже не буду возражать, если ты, Ромжи, оприходуешь сразу двух. По крайней мере, все увидят, что ты не врёшь о своей мужской силе.

— Не смейте!!! — Мика с силой рванулся из пут, но добился лишь того, что шрамованный зло посмотрел в его сторону и сказал...

— А этого щенка заставьте смотреть. Пусть знает, что бывает за непокорство!

Я и так уже была напугана до смерти, но то, что началось теперь, было настоящим кошмаром... Словно чудовищный сон, который длится и длится, а ты не в силах ни шевельнуться, ни хоть на волосок сдвинуть веки, чтобы отгородиться от этого ужаса... Искажённое, исступлённое лицо Мики, распластанные на полу тела, мольбы и слёзы Элгеи и глухие, страшные стоны матери... Но ещё чудовищней были сальные шуточки ратников, нетерпеливое притопывание, возбуждённое животное сопение насильников и ритмичное движение их бедёр, которым словно бы командует худой Лемейр, опять взгромоздившийся на стол:

— А ну, лентяи, веселее! Покажите этим шлюхам, что такое настоящие мужчины! Раз! — И бёдра тиранящих мать и сестру ратников опускаются вниз вместе с полуобглоданным телячьим рёбрышком, которое сжимает в руке Лемейр.

— Два! — Теперь бёдра судорожно дёргаются вверх, повинаясь руке худого. — Ну же, больше огня! Не спите на ходу!.. Другим тоже не терпится!.. И — раз!..

А когда чудовищный хоровод сменяющих друг друга «Карающих» наконец закончился, Лемейр слез со стола и направился к пытающейся отползти к стенке Элгее, приговаривая на ходу:

— Вот, а теперь и моя очередь. Сейчас, крейговская птичка, я объясню тебе, для чего женщинам нужны рот и язык. — Ты как следует приласкаешь меня там... — При этих словах худой выразительно огладил себя между ног.

— Мра-а-зь!!! — Мика просто зашёлся криком, рванувшись из рук нависшего над ним амэнца под ноги Лемейру, но караулящий брата «Карающий» вонзил ему меч прямо между

лопатов. С коротким всхлипом Мика навеки застыл на полу, а худой неодобрительно покосился на убийцу моего брата и, бросив сухое «слишком рано», подошёл к забившейся в угол сестре:

— Ну что, радость моя, ты готова?

Вместо ответа Элгея лишь сжалась в своём углу пуще прежнего; в её глазах плескался настоящий ужас, но Лемеяр встал перед ней на одно колено и издевательски ласково произнёс:

— Неправильно, куколка. Ты должна сказать: «Сделаю всё, что ты прикажешь, господин Лемеяр!». — Тут худой схватил сестру за подбородок и приподнял ей голову. — Ну, повтори то, что я сказал, крейговская сучка...

Из глаз сестры ручьём потекли слёзы, и она, выдавив из себя едва слышное «нет...», снова зашлась плачем.

Лемеяр же, глядя на её слёзы, покачал головой и притворно вздохнул.

— Ну что ж, на нет и суда нет! — Сказав это, он схватил сестру, привлёк к себе и одним движением свернул ей шею. Раздался оглушительный хруст. Элгея осела на пол, словно тряпичная кукла, а худой поднялся с колен.

— Зря ты это, Лемеяр. Теперь тебе только старшая осталась, — заметил кто-то из ратников, но Лемеяр только фыркнул.

— Что мне с этой дохлой рыбы — только глазами лупает! — буркнул худой, потом подошёл к печи и прямо на пол начал выгребать кочергою раскалённые уголья, наказав ратникам проделать в остальных комнатах то же самое. «Карающие», перешучиваясь, немедленно разошлись по дому, а Лемеяр, выгребши на пол целую кучу угольев, подошёл к столу и, сорвав расшитую скатерть, бросил её поверх головешек. Подбоченясь, осмотрел комнату и вышел прочь, весело насвистывая.

...Этот противный, режущий уши свист я слышала всё то время, пока шрамованный спускался вниз по лестнице, но потом он наконец-то стих. Так же как и голоса остальных «Карающих». Хотя опасность вроде бы миновала, я по-прежнему сидела на своём месте, словно окаменевшая, — я не чувствовала ни рук ни ног, зато на полу зашевелилась мать. Она медленно, с видимым трудом поднялась на четвереньки, и, обведя комнату пустым, невидящим взглядом, со всего маху ударилась головой об пол... Потом снова приподнялась... И снова ударилась... А потом ещё... И ещё...

— Предки-заступники!.. — заворожённая до странности ритмичными движениями матери, я не заметила, что в комнату снова зашли. Теперь на пороге стоял Стемба — ещё совсем недавно этот действительно рыжий «Лис» был моим проводником как по Реймету, так и по казармам. Он тайком от хоть и справедливой, но строгой Нарсии в изобилии снабжал меня пряниками и леденцами, а ещё учил правильно держаться в седле, показывал, как стрелять из лука и арбалета... Но теперь я с трудом узнала своего взрослого приятеля. Вместо правой щеки у Стембы была сплошная кровавая ссадина, под левым глазом виднелся порез, всегда опрятная куртка превратилась в изодранные и измаранные лохмотья, а из-под наскоро наложенной на левую ногу повязки сочилась кровь. Тем не менее меч он держал в руках крепко.

— Госпожа Нарсия, вам лучше не входить. Я сам... — твёрдо произнёс Стемба, но едва он сделал шаг вперёд, как прабабка обошла его сбоку и решительно прошла в комнату, огляделась...

Её лицо исказилось от боли, но Нарсия быстро совладала с собой и шагнула к

продолжающей свое безумное занятие матери. Присела перед ней на корточки и, поймав за подбородок, посмотрела в глаза:

— Эльмина!.. Эльмина, сейчас не время предаваться горю!.. Ты слышишь меня?!..

Вместо ответа мать лишь издала короткое и бессмысленное мычание, и тут снова подал голос Стемба:

— Госпожа Нарсия, я не вижу здесь Энейру... Попробуйте спросить о ней... — но прабабка, оставив мать, поднялась и отрицательно качнула головой:

— Бессмысленно спрашивать — Эльмина не в себе... Как думаешь, «Карающие» могли забрать малютку с собой?

Стемба нахмурился.

— Вряд ли... Если они положили здесь всю семью... — А потом в его голосе послышалась отчаянная надежда. — Малышка могла спрятаться... Она всегда была такой смышлённой...

— Не говори «была»! — сурово осадил его прабабка и тут же громко крикнула: — Внученька! Энейра!

А Стемба подхватил.

— Энейра!.. Отзовись, малявка!..

Звали они совершенно зря. Моё странное оцепенение никак не проходило: я не то что одеревеневшей челюстью двинуть — я даже глаз закрыть не могла... Я просто сидела и смотрела на них... Смотрела...

Но тут дым от тлеющей скатерти попал мне в рот и нос, из-за этого что-то внутри сжалось и я закашлялась...

Каким-то чудом различив моё почти не слышное «кхе», прабабка сразу угадала, откуда идёт звук, настоящей пантерой подскочила к печи и с какой-то нечеловеческой силой рванула обшивку. Доска выпала, Нарсия, увидев меня, охнула, а ещё через несколько мгновений я, обёрнутая в тёплую, мягкую шаль, крепко прижималась к боку прабабки.

— Уберегли Предки... — Нарсия ласково огладила меня по голове и повернулась к Стембе. — Возьми Эльмину и уходим. Времени нет.

Улица встретила нас колючим морозом, дымом и заляпанным кровью снегом. Неясные шум и выкрики переместились куда-то в сторону, а привязанные у крыльца кони беспокойно перебирали ногами и испуганно всхрапывали. Стемба попытался устроить мать в седле, но она, оказавшись на лошади, тут же начинала с неё сползать, мотая головой из стороны в сторону, и в конечном итоге «Лис», наплевав на все условности, просто перевалил её через переднюю луку. Мать повисла мешком, а оседлавший коня Стемба хлестнул поводьями.

— Ну, пусть теперь Мечник поможет!..

Уже давно устроившая меня в седле перед собою Нарсия согласно кивнула, но тут из-за угла дома появился очередной амэнец и, увидев нас, вскинул арбалет.

— Стоять!!!

— И-я-я! — Вместо ответа прабабка с силой ткнула пятками в бока лошади, посылая её вперёд. Конь отчаянно рванулся с места и сшиб грудью так и не нажавшего спусковой рычаг «Карающего». Раздался короткий вскрик, хруст ломаемых копытами костей, и в следующий миг конь прабабки уже во весь опор нёс нас по узкой улочке, а Стемба неотступно следовал за нами...

Между тем Реймет умирал... Чёрный дым всё гуще стелился по улочкам, некоторые дома уже пылали словно факелы, а повсюду виднелись тела — одни скорчились на снегу,

другие застыли у выбитых дверей, третьи и вовсе свешивались из окон. В основном это были женщины, дети и старики, но иногда грудь убитого прикрывал доспех с пресловутой эмблемой...

Вырвавшийся вперёд Стемба увёл нас в запутанную сеть переулков и улочек, уверенно направляя коня прочь от всё ещё доносящегося откуда-то шума. Но полностью избежать встреч с амэнцами нам не удалось. Несколько раз мимо нас свистели стрелы, но бег наших коней не смог замедлить даже перегородивший улицу конник, которого Стемба, увернувшись от удара, со всего маху рубанул мечом, и я до сих пор помню удивление, застывшее в глазах мелькнувшего мимо меня трупа...

Наконец извивы улиц вывели нас прямо к превратившимся в развалины Купеческим воротам. Копыта коней в последний раз громко процокали по заледенелым булыжникам, и мы оказались за стенами Реймета. Ни прабабка, ни Стемба не стали оглядываться назад, тут же направив коней по серебрящимся снегом полям на север — к чернеющему на горизонте лесу...

Вечером укрывший нас лес подарил не только свою защиту, но и убежище — в скованной морозом пуще мы нашли охотничий сруб с пристройкой. Жилище, замётённое снегом едва ли не по самую крышу, с крошечными чёрными оконцами, казалось мрачным и покинутым, но внутри нас ожидало совсем иное. По негласному охотничьему закону каждый обитатель сруба, покидая его, должен был позаботиться о тех, кто придёт после него, а потому лесное убежище встретило нас толстой вязанкой хвороста у очага, чисто выскобленным столом, на котором красовалась деревянная солонка, и холщовым, полным сухарей мешком на стене.

Едва осмотревшись, уже с трудом держащийся на ногах Стемба тут же ушёл к усталым лошадям, а прабабка растопила печь и, устроив меня поближе к огню, начала хлопотать над по-прежнему ничего не осознающей матерью. Я молча наблюдала за нею и чувствовала, как тепло постепенно растапливает застывший где-то глубоко внутри комок льда, покалывает кожу занемевших рук и ног... Вместе с покалыванием пришло и осознание того, что я что-то судорожно сжимаю в руках, а потом на меня внезапно накатила боль такой силы, что я со стоном согнулась на лавке. Прабабка тревожно взглянула на меня.

— Что с тобой, внученька?

— Болит... очень... — с трудом выдавила я, а прабабка подошла ко мне и распахнула шаль, укутывающую меня от колен до самого подбородка... И я с удивлением увидела, что до сих пор судорожно прижимаю к себе данную мне Микой куклу — даже скачка на лошади не заставила меня выпустить её из рук! Но причина охватившей меня боли была не в ней — правый рукав платья от локтя до кисти почернел и обуглился, а из образовавшихся на нём дыр просвечило багровое, пузырчатое мясо...

— Как же ты это терпела?! — изумлённо спросила Нарсия, но я при всём желании не могла ей ответить. Я догадывалась, что ожог получила, когда началось самое страшное. Очевидно, я прижалась к чугунной дверце печи, но почему-то не почувствовала боли от прикосновения к раскалённому металлу и руку не убрала... Боль пришла только теперь...

На следующее утро, несмотря на начавшийся снегопад, мы покинули приютивший нас сруб. И Стемба, и прабабка считали, что разорившие Реймет амэнцы уже сегодня начнут рыскать по всей округе — как в поисках новой добычи, так и выслеживая чудом вырвавшихся их города беглецов. А чернеющий среди сплошных полей лес, без сомнения, привлечёт их внимание. К тому же в срубе нам удалось разжиться несколькими одеялами и даже старым

овчинным кожухом, так что мы могли продолжить дорогу, не рискуя в первый же час пути замёрзнуть насмерть. Путь наш по-прежнему лежал на север: прабабка решила ехать в Делькону — в тамошнем храме Малики верховодили сразу несколько дружественных ей жриц, и Нарсия рассчитывала не только обрести в святилище надёжное убежище, но и узнать о том, что всё-таки происходит в княжестве...

Но до Дельконы мы так и не доехали — через несколько дней у Стембы из-за воспалившейся раны на ноге начался страшный жар, да и я простыла во время последнего перехода, так что мы остановились в хоть и небольшом, но достаточно хорошо укреплённом Крожбо. Продав одного из коней, Нарсия сняла просторную мансарду в одном из окружающих рыночную площадь домов и, достав необходимые припасы у местных травников, стала терпеливо выхаживать всех нас...

Наше житьё в Крожбо было на диво монотонным и серым: перевязки, лекарства, настои, однообразная еда... Впрочем, дело было не только в них — от одного взгляда на целый день проводящую в кресле, монотонно покачивающую головой мать тускнели даже освещающие мансарду солнечные лучи. Хотя прабабка ничего мне не говорила, я каким-то образом понимала, что прежней мать не будет уже никогда, но даже это горькое знание не поколебало охватившего меня равнодушия. Я всё ясно осознавала, отвечала на заданные вопросы, терпеливо сносила перевязки медленно заживающей руки и ежедневное втирание в голову смешанной с яичным желтком крапивной настойки — у меня ни с того ни с сего начали сыпаться волосы, и Нарсия отчаянно боролась с этим моим новым недугом, — но всё вокруг представлялось мне странно выцветшим и безразличным. Теперь большую часть дня я проводила у окна, равнодушно наблюдая за суетящимися внизу горожанами, но предпраздничная суета одетых в яркие платья людей казалась мне чем-то сродни муравьиному мельтешению — я не видела в этом ни смысла, ни цели...

Между тем непрестанно бегущее вперёд время приносило свои плоды — от ран потихоньку начал оправляться Стемба. Сильно похудевший, с коричневой коркой на изуродованной щеке, он встретил собственное выздоровление с таким воодушевлением, что Нарсия с трудом загнала его обратно в постель, но вылёживаться без дела «Лис» смог от силы ещё три дня, а потом решительно потребовал для себя работы по дому. Вначале Нарсия сгрузила на него растопку печи и готовку, решив, что этого вполне хватит, чтобы успокоить только-только вставшего с кровати воина, но не тут-то было. Уже вскоре всё ещё сильно хромающий Стемба таскал воду из колодца и помогал прабабке ухаживать за матерью.

Между тем Нарсию беспокоили не только неуёмность Стембы и моя молчаливость: блуждающие по Крожбо слухи были странными и более чем противоречивыми — в них невозможно было выловить даже крупницу истины. А поэтому прабабка, оценив расторопность с каждым днём набирающегося сил «Лиса», всё же решила сама съездить в Делькону, чтобы узнать правду. Она уехала из Крожбо ранним и ясным утром сразу же после праздника Свечей, снабдив Стембу подробнейшими руководствами по поводу остающихся у него на попечении матери и меня.

Стемба же, ухаживая за матерью в точности так, как велела ему прабабка, в отношении меня умудрился нарушить почти все строжайшие предписания. Он уже несколько раз пытался разговорить меня или заставить улыбнуться, но все его шутки оставались без отклика, и теперь «Лис», не имея над собою надзирающего ока, пошёл в атаку.

Уже на следующий день после отъезда Нарсии ненадолго выбравшийся в город Стемба разложил передо мною целых три пряника:

— Посмотри, что я тебе принёс! Вот у этого, в виде бельчонка, — начинка с орехами, заяц — мятный, а медведь, соответственно, медовый... Ну, какой ты хочешь?

Я послушно посмотрела на покрытое глазурью, похожее на игрушку лакомство — раньше я безумно его любила, а теперь мне почему-то было всё равно...

— Мне не хочется есть, Стемба... Совсем...

«Лис» ошарашенно посмотрел на меня, перевёл взгляд на пряники...

— Малявка, давай я их на стол положу, а ты возмёшь когда захочешь, хорошо?

Вместо ответа я кивнула и отвернулась к окну...

Пряники сиротливо лежали на столе до самого вечера — Стемба хмурился, но больше не упрасивал меня их взять, лишь после ужина со вздохом убрал на кухонную полку... Впрочем, сдаваться он не собирался. Вечером, уложив мать в постель, он, согласно указаниям Нарсии, принялся за мои косы, но, посмотрев на гребень, всего за пару движений забившийся волосом, вздохнул...

— Эх, малышка, твоя прабабка — очень мудрая женщина, но в этот раз её мудрость что-то не помогает... Может, острижём твои косы — так они и сыпаться не будут, и новый волос быстрее в рост пойдёт...

На это более чем смелое предложение — можно было только представить, как разгневаётся прабабка, увидев свою внучку без главного девичьего украшения, — я ответила уже начавшим входить у меня в привычку «как знаешь...», и Стемба не выдержал:

— Как знаю, как знаю... Да ничего я не знаю, но и видеть тебя такой больше не могу! — «Лис» отложил гребень и, встав со своего места, начал развивать план действий. — Значит, сперва мёртвый волос срежем, затем я как следует тебя пропарю, а потом дам лекарство, которое матёрых вояк пронимает, а следовательно, и тебе помочь должно...

Если энергично щёлкающие вокруг головы ножницы так и не нарушили моего безразличного спокойствия, то купание поневоле заставило оживиться. Вода в лохани была такой горячей, что я едва не выпрыгнула из неё рыбкой, но Стемба, ничтоже сумняшеся, опять впихнул меня в исходящую паром воду и тёр жёсткой рукавицей до тех пор, пока с меня чуть кожа не слезла. Когда же меня полностью распарило и разморило, «Лис» выудил меня из лохани и, укутав в тёплое одеяло, усадил к себе на колени.

— Ну, а теперь самое главное. — Он подхватил со стола небольшую чашку и протянул мне: — Пей.

У налитого в кружку лекарства был очень странный и довольно резкий запах, показавшийся мне смутно знакомым... Кажется, так иногда пахло от отца... И от других «Лисов» тоже... Я заглянула внутрь чашки — на дне плескалась бледно-золотистая жидкость...

— Что это, Стемба?

«Лис» усмехнулся.

— Незаменимая вещь, малышка, — лекарство от душевных ран и телесных хворей... Лендовцы васкан из ячменя делают и о-о-очень уважают, да и мы признаём, когда его нам купцы привозят...

К концу монолога «Лиса», я поняла, что мне предлагают, и недоумённо воззрилась на Стембу.

— Это выпивка?... Но разве можно...

— Нужно... — разрешил мои сомнения Стемба. — Пей...

На вкус хвалёное лекарство мне совсем не понравилось — оно было резким и сильно

обжигало рот и горло, но тем не менее «Лис», дождавшись, когда я прокашляюсь, тут же поднёс мне очередную порцию.

— Надо ещё немного... Вот... Умница...

После второго захода огненный напиток не только опалил мне горло, но и потёк по жилам — мне стало невыносимо жарко, а голова пошла кругом. Закрыв глаза, я прижалась к Стембе.

— Мне плохо...

А «Лис» огладил мою стриженую голову и тихо сказал:

— Это пройдет...

Между тем голова кружилась всё сильнее — теперь крутящуюся вокруг меня комнату заполнял туман, и я, уже не совсем понимая, что со мною и где я нахожусь, пробормотала:

— Нет, Стемба... Мне теперь всегда будет плохо... Потому что мама никого не узнаёт, а папы нет, и Мики тоже нет... А ещё... — И тут жар неожиданно подкатил к моим глазам и из них градом покатались слёзы... Я смутно помню, что отчаянно плакала, дрожала, прижималась к «Лису» и непослушным языком пыталась пересказать ему пережитый мною ужас... Что именно я смогла ему рассказать — не помню, но одно знаю чётко: когда отчаянные всхлипы начали потихоньку стихать, Стемба взъерошил мне волосы и прошептал:

— Люди, малявка, они разные бывают — и хорошие, и не очень, но те, кто приходили к вам, — не люди, а твари! Они людьми лишь прикидываются — не суди по ним о других...

А потом была густая, непроницаемая чернота...

На следующее утро мне опять было плохо — сильно кружилась голова, а при одном только взгляде на еду меня ещё и начинало тошнить, но Стемба оказался заправским лекарем. Он отпоил меня кислым молоком, а потом ещё вытащил на прогулку, и вот на улице меня как-то незаметно отпустило... С этого дня и началось моё настоящее выздоровление: наконец-то пролившиеся слёзы облегчили лежащий на сердце камень и в окружающий меня мир снова стали возвращаться краски и движение. Лавка у окна была покинута мною без всякого сожаления, ведь теперь каждый день заполняло множество занятий: я помогала Стембе перебирать крупу и чистить коренья для супа, накрывала на стол, мела пол, вместе с «Лисом» чистила половики на снегу... А потом добралась до куклы и, переплетши ей волосы и содрав с неё парчу, соорудила ей другой наряд из остатков своего пропалённого платья — лишившаяся мишуры красавица получилась какой-то более домашней и доброй, став для меня напоминанием о Мике...

Прабабки не было долго, и вернулась она совершенно неожиданно. Стемба как раз латал прохудившийся сапог, а я, расставив еду на столе, вернулась к своей кукле, когда дверь отворилась и в комнату вошла прабабка в запорошенном снегом плаще.

— Здравствуй, бабушка... — Нарсия повернулась ко мне и, откинув капюшон, молча воззрилась на мою по-мальчишески стриженую голову. Брови её грозно нахмурились, лицо потемнело...

— Стемба!.. — Прабабка развернулась к «Лису», уперев руки в бока. — А ну подь сюды, мерзавец!..

— Госпожа Нарсия! — «Лис» подскочил со своего места, так и не надев сапог. — Я всё объясню!

— Объяснит он!.. — Прабабка медленно двинулась вперёд, и Стемба, прихрамывая, поспешно ретировался от неё за массивный стол. — Я тебе что, паршивцу, наказывала — расчёсывать и настойку втирать, а ты что сделал, чудище рыжее?!!

— Так ведь не помогала эта настойка... Ой!.. — Прабабка уже достигла стола, и «Лис» с трудом увернулся от запущенной в него деревянной миски.

— Да если б просто остриг, а то ведь обкорнал вкривь и вкось, поганец криволапый! Ну, я тебе покажу, цирюльник самозванный!.. — Теперь в поспешно отступающего Стембу один за другим полетели подхваченные с блюда сырники, а он, безуспешно прикрываясь от метко пущенных снарядов, отчаянно вопил:

— Да вы хоть выслушайте сперва!.. Да что ж вы едой-то!..

Я, конечно, знала, как моя прабабка умеет браниться, но вид крошечной Нарсии, коршуном преследующей вокруг стола довольно-таки рослого и плечистого Стембу, всё же на несколько минут поверг меня в замешательство... К счастью, недолгое — я поняла, что «Лиса» надо спасать, и срочно, пока Нарсия не добралась до более тяжёлой утвари!

— Бабушка! Не смейте! — Громкий окрик заставил Нарсию развернуться ко мне.

— Что ты сказала, Энейра?! — Перекатам, прозвучавшим в голосе прабабки, позавидовал бы и сам Хозяин Грома, но я, выпрямившись и замирая внутри от собственной дерзости, что было силы сжала кулаки.

— Не трогайте Стембу, бабушка, а не то... — Я на мгновение запнулась в поисках подходящей угрозы. — Я тоже рассержусь!

Несколько мгновений прабабка ещё грозно смотрела на меня, но потом, повернувшись к Стембе, махнула рукой.

— Прощаю... Вот за этот её взгляд, за слова — прощаю!..

«Лис» же, поняв, что гроза миновала, выбрался из-за стола и мстительно сообщил:

— Сырники, между прочим, Энейра впервые сама испекла, а вы их теперь не попробуете!!!

Нарсия сбросила с плеч плащ, устало села на лавку.

— Значит, попробую следующие... Ну, давайте поужинаем тем, что от нашего сражения осталось, а потом я вам новости расскажу...

До Дельконы прабабка добралась быстро и без помех, но знакомые жрицы из храма вначале воззрились на неё как на поднятый из могилы труп, а потом с ходу стали утешать и уверять, что всё когда-нибудь непременно образуется. Нарсия после такого приёма заподозрила самое худшее и не ошиблась. Всего день назад жрицы получили из столицы известие о том, что наш Владыка лишил Мартиара Ирташа родового имени за то, что тот без боя сдал Реймет амэнцам. На главной площади Ильйо, при скоплении народа и в присутствии служителей всех Семерых Богов, герб Ирташей был вначале перевёрнут вниз головой и замазан чёрной краской, а потом глашатай объявил о том, что Мартиар Ирташ и все его потомки отныне лишены своего звания и привилегий, а их имущество полностью переходит к ближайшим родственникам. Кроме того, по главе рода Ирташей запрещены любые заупокойные службы в храмах — за проявленное малодушие от него отрекается не только земной Владыка, но и небесные Заступники...

— Но ведь это же всё неправда! — отстранившись от прабабки, я возмущённо потрянула головой, а Стемба ударил кулаком по столу.

— Мы продержались дольше, чем это вообще было возможно!.. Главу оклеветали! Надо идти к князю и рассказать ему правду!..

Нарсия тяжело вздохнула.

— Не так всё просто, Стемба. Моего внука действительно оклеветали, но сделал это сам Владыка Лезмет, чтобы прикрыть чужим позором свой собственный... Когда я рассказала

Солане о княжеском письме с обещанием помощи и о том, что на самом деле произошло в Реймете, она списалась с некоторыми своими знакомыми из Ильйо — одна из её подруг является наставницей младших дочерей князя... Наш Владыка уже давно засватал свою старшую дочь за одного из сыновей Триподемского Владыки, и теперь пришло время свадьбы. Гулять решили в замке среди Гройденской пуши — Владыка Дормар известен своей любовью к охоте на туров, а в Гройдене дичи не счесть — недаром он заповедным лесом считается.

Но Владыки Триподема не только охотники — из века в век гуляет по Ирию поговорка, что Триподемских Василисков нельзя ни победить, ни перепить! Ну, а поскольку наш Владыка в ратных делах не особо удачлив и сам это знает, он решил превзойти Триподемского Князя в количестве выпитого и, набравшись по самые венцы в первый же день гуляний, уже не трезвел... Привезённое из Ильйо письмо Лезмет получил, будучи если и не мертвецки, то очень сильно пьяным — егохватило ровно на то, чтобы, самолично прочитав письмо Мартиара, в ярости швырнуть его в огонь, написать ответ и запечатать послание, а потом он забыл обо всём, как и всякий хвативший лишку человек...

Прабабка снова вздохнула и скорбно покачала головой.

— В это трудно поверить, но это так. Владыка отличается неводержанностью с юных лет, а выпив, всегда либо гневается, либо осыпает находящихся вокруг него милостями... За сломанную на послании печать тем, кто принёс такое, у нас режут пальцы и рвут язык, так что неудивительно, что и содержание письма моего внука, и ответ Владыки для всех остался тайной. Поскольку уже через несколько часов Лезмет больше не упоминал о письме, не менее пьяные, чем сам Владыка, царедворцы сочли полученные известия не особо важными, а неожиданную вспышку гнева князя приняли за его обычное пьяное желание всех карать и миловать... Гулянья продолжались как ни в чём не бывало — охоты чередовались с пирами до тех пор, пока приехавшие уже из Мероя вестники, увидев, что от Лезмета им ничего не добиться, пали в ноги к Триподемскому Владыке. Дормар же протрезвел при одном упоминании об амэнцах — у триподемцев с южанами тоже своя старая свара есть...

Именно Владыка Триподема вытащил нашего князя из-за пиршественного стола и пояснил ему, что в горящем доме свадьбы не гуляют!.. Вот только время уже было безнадёжно упущено — после падения Реймета амэнцы не только быстро подгребли под себя соседние вотчины, но и, получив немалое подкрепление, закрепились на новых рубежах.

Южане в который раз показали всем свой волчий оскал, а наш Владыка теперь мог им только кулаком грозить — ты, Стемба, и так знаешь, что постоянное войско у князя небольшое. Разве что «Нетопыри» всегда при нём, а большая часть «Лисов» по гарнизонам в разных городах расквартирована: пока всех соберёшь, пока владельцы из вотчин со своими дружинами подойдут, немало времени пройдёт. Потому Лезмет, несмотря на то что Владыка Триподема обещал ему свою помощь, всё же пошёл на переговоры и заключил перемирие, а свою досаду и вину за произошедшее возложил на Мартиара. И теперь имя моего внука княжеские прихвостни на каждом углу поносят...

Больше мне добавить нечего, кроме одного — дельконские жрицы, несмотря на княжеский запрет, справили службу как по Мартиару, так и по всем защитникам Реймета и обещают повторять её каждый год, в день падения города. Лейтена же, наставница княжон, написала мне, что Дормар на прощание при всех сказал нашему Владыке, что по части выпивки считает себя проигравшим. Дескать, во хмелю он тоже умом не блещет, но одним махом пропить четверть собственного княжества даже у него не получалось...

Прабабка замолчала, опустив голову, — я снова прижалась к ней, а Стемба растерянно спросил:

— Так что же теперь делать-то?

Нарсия погладила меня по голове, тяжело вздохнула.

— Жить, Стемба... Боги нашу обиду видят, но их суд хоть и верный, да не скорый — я его уже не увижу, а вот ты и Энейра — вполне. Что же до всего остального... Ни к родственникам Эльмины, ни тем более к князю я на поклон не пойду — незачем мне на старости лет такой позор!.. Жрицы из Дельконы звали меня к себе, уверяли, что мне и малышке за толстыми стенами обители будет хорошо и покойно. В их словах я уверена...

При последних словах Нарсии я приподняла голову:

— Я не хочу в Делькону, бабушка...

А Стемба тихо заметил:

— Стоит ли малышку теперь прятать от неба да солнца, если жизнь её и так опалила?

Прабабка усмехнулась.

— Вы, как я погляжу, без меня тут совсем спелись!.. Впрочем, так даже лучше — я и сама в обители вряд ли усижу, несмотря на преклонные годы. Конь на гербе Ирташей не зря узду рвёт — ему воля да простор нужны, а не тёплое стойло... Так что переберёмся куда-нибудь, где нас никто не знает, да начнём жить как обычные поселяне — немного денег на обзаведенье я раздобыла.

Ошеломлённый таким решением прабабки «Лис» вначале изумлённо уставился на неё, а потом даже открыл рот, намереваясь возразить, но Нарсия остановила его взмахом руки.

— Не смотри на меня такими глазами, Стемба, — ни мои предки, ни я показную роскошь не жаловали и никогда не стыдились мозолей на руках, будь они от меча или от другой работы, а парчу лишь по праздникам да на княжеские приёмы надевали, когда по-другому уже никак нельзя! И ещё: переставай звать меня госпожой — отныне для тебя я Нарисса, а внучка моя — Эрка, нечего людям думать, как у простых благородные имена могли появиться...

Стемба уважительно склонил голову.

— Как скажете... — и добавил вопросительно: — Матушка?..

Прабабка на это одобрительно улыбнулась...

Вот так мы ранней весной и оказались в деревушке, гордо именуемой её обитателями Большая Поляна. Она располагалась всего в половине дня пути от Эргля, но окружавшие поселение леса и болота сделали его глухим — даже сборщик податей да переписчики появлялись в Большой Поляне в лучшем случае один раз за два года. Возможно, именно это и стало основным аргументом для прабабки в пользу того, чтобы закрепиться именно на этом месте, ну а дополнительными были богатый ягодами лес да маленькая — в одну горенку, — пустующая после того, как хозяева перебрались в Эргль на заработки, хата с уже заросшим сорняками огородом и забитым мусором сараем. Хотя полянцы знали, что их бывшие земляки не вернутся в родимую глушь, хату занять никто не стремился, так что беженцам из захваченных амэнцами вотчин её уступили в прямом смысле слова за медяки...

Впрочем, на этом дружелюбие наших новых соседей и закончилось: тихое помешательство матери сельчан откровенно пугало — они считали её одержимой и старались держаться от неё на почтительном расстоянии. Лишь Чернявая Кветка — ещё не старая и острая на язык вдова — зналась с нами без всякого опасения. Благодаря пусть хоть и не близкой, но многочисленной родне она удачно пристроила дочек замуж за мастеровых из

города, часто и подолгу их навещала, а потому считала большинство своих односельчан недалёкими увальнями. Кроме того, прабабка как-то сразу завоевала её уважение, и Кветка помогла нам с обзаведением, отдав в нарождающееся хозяйство нескольких несушек, козу и часть необходимых в быту вещей. Денег за это она не взяла, заявив, что помогает нам от чистого сердца, а не для наживы, а потом ещё и частенько захаживала в гости — то с медком, то с творогом и, помогая прабабке готовить обед, обстоятельно посвящала нас во все сельские дела.

Между тем мы потихоньку справлялись с казавшимся поначалу необоримым запустением — домик и сарай были ещё крепкими и не трухлявыми, а после того, как со двора и пристроек был убран весь сор, а Стемба поправил крыльцо и перестелил крышу, наше обиталище стало смотреться гораздо веселее.

Пока «Лис» занимался мужской работой, мы с прабабкой гнули спины на огороде: рыхлящая землю Нарсия — про себя я продолжала называть её подлинным именем — детально объясняла мне, что и как мы будем сажать и что из этого должно будет вырасти, а я внимательно слушала... Кроме обычных для сельских грядок лука, капусты, репы да моркови с фасолью на нашем огороде пошли в рост семена, привезённые прабабкой из Дельконы: мята, чабрец, снимающий воспаления и останавливающий кровь тысячелистник, сращивающий переломы окопник и снимающий зубную боль шалфей, мать-и-мачеха и незаменимая при болезнях живота кровохлёбка, снимающие сердечную боль пустырник и мяун-трава... Многие из этих трав спокойно росли по лесам и лугам, но дельконские жрицы предпочитали разводить их прямо в обширном храмовом огороде, и теперь эта их привычка пригодилась самой Нарсии...

На наших грядках нашлось место и тому, что сельчане именовали сорняками, — оказалось, что бабка благосклонно относилась не только к репейнику, но и к крапиве, подорожнику и чистотелу — сажать их, правда, было как раз и не надо, разве что заросли проредить. Ну а перед окнами и у крыльца прабабка высадила фиалки и ноготки, которые тоже имели целебные свойства...

Так и прошли весенние месяцы — под стук топора и кудахтанье кур, под наши с прабабкой перекрикивания на огороде... Мать, правда, это не затронуло, скорее, даже наоборот — получив во владение застеленное одеялами кресло у окна, она умудрилась ещё больше уйти в себя, превратившись в живой, мерно покачивающий головой памятник, но мы всё равно опасались оставлять её надолго одну и то и дело забегали в горницу — проведать...

Летом в наших делах наступил если не перерыв, то затишье — быт наладился и теперь его надо было просто поддерживать, а наши каждодневные хлопоты приобрели мерный и спокойный ритм; с утра — к колодцу, за водой, потом — на огород и к живности, дальше завтрак и снова огород... Стемба же, обнаружив, что ему по большому счёту заняться уже нечем, неожиданно загрустил. И прабабка, и я заметили это сразу, но если я просто ластилась к «Лису» или показывала, как продвинулась в умении стрелять из изготовленного им для меня лука, то Нарсия вызвала на разговор. Стемба долго отпирался от её расспросов, но потом всё же сказал:

— Я ведь с прадеда горожанин — мне сельская глушь никогда по душе не была. Тесно здесь и скучно... Пока работы было валом — ещё терпел, а теперь... — «Лис» досадливо махнул рукой и замолчал, а прабабка покачала головой.

— Ну, это неудивительно... Только зря ты молчал — ни я, ни Эрка не будем в обиде, если ты теперь пойдёшь по своей дороге...

Стемба изумлённо взглянул на неё.

— А как же вы?

Нарсия улыбнулась.

— Справимся, не бойся. Помощь, тобою оказанная, нам с внучкой всегда будет душу греть, но теперь у тебя начнётся свой путь — хромота твоя уже месяц, как окончательно прошла. Самое время вспомнить, что ты всё-таки воин, а не козопас.

Стемба горько усмехнулся.

— Воин... Вряд ли я снова «Лисью» куртку надену — под княжеский штандарт мне теперь становиться тошно... Разве что к кому из северных владетелей пойти, да только где я найду такого главу, как Мартиар Ирташ...

Взгляд прабабки при этих его словах внезапно стал очень серьёзным, и она твёрдо произнесла:

— Ты найдёшь то, что ищешь, Стемба... Слушай своё сердце — оно тебя не обманет...

На том разговор и закончился. «Лис» промаялся ещё неделю, но потом всё же решился проститься с нами. Я проводила его до самой околицы, а потом ещё стояла и смотрела, как его спина мелькает между деревьев. Расставаться со ставшим родным человеком мне не хотелось, но и останавливать его я не имела права...

Впрочем, самой мне долго грустить не пришлось — этим же летом у меня открылись лунные кровотечения, и прабабка, дождавшись их окончания, достала свои обёрнутые кожей тетради, с которыми была неразлучна. Когда-то, ещё будучи совсем маленькой, я, улучив-таки момент, попыталась заглянуть в них одним глазком, но Нарсия, застав меня на горячем, устроила мне такую выволочку, что с тех пор я предпочитала держаться от таинственных тетрадей подальше. Теперь же прабабка сама положила их передо мной и, открыв первую страницу на заглавном рисунке, изображающем защитный символ Малики, произнесла: «Вот теперь и пришло время...»

Оказалось, что прабабка уже давно рассмотрела во мне колдовской дар. Спящий, правда, но это не беда. Если у мужчин способности либо разовьются лет до двадцати — двадцати трёх, либо нет, то у женщин всё по-другому. Традиционно учиться колдовству начинают после первого лунного кровотечения, которое отмечает окончание детства, но сам дар обычно просыпается либо после окончания девичества, либо после рождения первого ребёнка. Впрочем, случается и так, что ведьмой женщина становится лишь после того, как у неё навсегда прекращаются лунные кровотечения, а то и другое странное событие пробудит дремавшую внутри силу...

— Только к тому времени, внучка, ты уже знать должна, что с этой силой делать и как её под уздцы взять, так что традиций нарушать мы не будем, да и спящий дар вовсе не бесполезен, и вскоре ты это узнаешь... — закончила первоначальные наставления Нарсия, а потом начала рассказывать мне старое предание о том, как разошлись дороги бывших когда-то братьями эмпатов — Чующих и колдунов — Знающих...

Знающие чаще всего либо презирали Чующих, либо пытались подчинить их себе, вызывая тем самым вполне понятную ненависть и недоверие, но сама прабабка не ставила себя выше Чующих и относилась к ним с уважением, искренне считая, что у них можно многому научиться. Ведь там, где колдун берёт силой, ломая и подчиняя себе живое, эмпат добьётся того же терпеливой и осторожной работой с переплетениями жизненных токов и не оставит после себя искорёженное да порушенное...

Этот первый урок запомнился мне сразу и на всю жизнь — исковерканного, пусть и не

колдунами, я уже повидала достаточно и не хотела, идя по жизни, оставлять за собою такой же выжженный след... Между тем уроки прабабки продолжались: я узнавала о годовом приливе и отливе сил, о лунных циклах и влиянии их на природу, училась нехитрому ворожению и заговорам... Травничество же и вовсе стояло у прабабки на первом месте — свойства трав и способы вытяжки я должна была выучивать назубок, а потом мы с прабабкой, оставив мать на попечение Кветки, уходили в лес и там искали редкие и целебные растения, многие из которых, непременно оставив дань Лешему, осторожно выкапывали и переносили на свой огород — так у нас вдоль ограды появились кустики дикого перца и можжевельника, возле бани стал разрастаться очиток, а возле крыльца пошла в рост крошечная облепиха — саженец мы с прабабкой добыли в одном из оврагов...

Так прошли лето и осень, наступила зима, и тут выяснилось, что Кветка, которой бабка помогла справиться с тревожащим её нарывом на ноге, расхвалила наши таланты по всему селу. В итоге, когда пришло время холодов и простуд, к прабабке за советом прибежали сразу из двух или трёх семей, но остальные отдалились окончательно — травничество Нарсии пугало селян так же, как и помешательство матери...

Впрочем, мне не было дела ни до соседей, ни до настороженного внимания ровесниц — говорить с ними мне было всё равно не о чем, а все местные новости и сплетни узнавались у неукротимой Кветки. Годы между тем шли своим чередом: я, привыкнув к сельскому труду, потихоньку росла и училась, Нарсия ещё пару раз съездила в Делькону — за необходимыми для моего обучения книгами, но когда мне исполнилось пятнадцать, я осталась без прабабки.

Ещё с утра она всю ругала посмевавшихся залезть в огород кур, но уже в обед вдруг прилегла на кровать и укрылась одеялом до самого подбородка. Поскольку раньше такого с моей прабабкой никогда не было, я встревожилась не на шутку, но Нарсия, сделав всего пару глотков укрепляющего питья, отстранила чашку.

— Устала я, внученька, сильно устала... Хотелось бы побыть с тобой ещё немного, да уже не судьба...

Когда я поняла, что означают эти слова, слёзы сами брызнули у меня из глаз — я склонилась к груди прабабки, отчаянно всхлипывая, а она огладила мои отросшие косы...

— Ну не надо, Эрка, мне и так тяжело... Предки и Малика тебя без защиты не оставят, но и ты будь умницей — учения не забрасывай. В моих тетрадях ты найдёшь всё, что тебе знать следует... Ну, а там — верю — сыщется человек хороший, сердечный, найдешь в нём опору себе, славных деток родишь. Тебе ведь уже пятнадцать, заневестилась... — Тут рука прабабки соскользнула с моих кос, и она тихо попросила: — Душно мне в хате, внученька, раствори окно...

Я, всё ещё вытирая катящиеся из глаз настоящим градом слёзы, бросилась к выходящему на огород оконцу и растворила его пошире — в лицо мне тут же ударил пыльный, напоённый запахом трав ветер. Над лесом собиралась гроза — чёрная, тяжёлая туча была уже над нами и ползла низко. Казалось, её тёмное брюхо цепляло верхушки деревьев... Ещё через мгновение клубящуюся черноту прорезала белая ветвящаяся молния, а прокатившийся следом гром пророкотал прямо над притихшей деревенькой. Но не успел стихнуть его последний раскат, как в глубине тучи родилась новая молния, а потом ещё... Заворожённая грозной силой, я словно бы ненадолго окаменела у окна и очнулась, лишь когда на землю настоящей стеною обрушился ливень...

— Бабушка... — тихо позвала я Нарсию, но ответа не было... Я кинулась к кровати и, увидев, что прабабка не дышит, повалилась подле на колени, сжимая в руках быстро

холодеющую ладонь, — мои отчаянные всхлипы потонули в шуме ливня... О том, что Нарсия всё же успела нагадать мне судьбу, я узнала на следующий год.

* * *

Из воспоминаний меня вывел начавший накрапывать дождик — тихо зашелестев листвой, он немного сбил окутавшую лес липкую духоту. Повееял долгожданной свежестью... Я посмотрела на затянувшееся серыми тучами небо: грозы, скорее всего, не будет, но сам дождь ещё вполне может усилиться... Амэнцы, похоже, пришли к точно таким же выводам, что и я, — они перестали рыскать по подворью и укрылись в хате, из которой тянулись теперь вполне аппетитные запахи поспевшего обеда. Правда, про меня они, к сожалению, не забыли — один из «Карающих» подошёл ко мне, намереваясь увести в хату, но я, опустив глаза и старательно попытавшись изобразить смущение, тихо пробормотала, что у меня есть некая надобность в уединении... Поскольку с начала моей встречи с амэнцами прошло уже несколько часов, просьба прозвучала вполне убедительно, и «Карающий», вздохнув, отконвоировал меня к прятавшемуся в зарослях лопуха нужнику.

Впрочем, на то, что удача решила мне улыбнуться, я понадеялась слишком рано — оказавшись у отхожего места, амэнец обошёл его с таким видом, точно искал второй выход, и даже доски ногою попинал, проверяя их прочность... Да... Этот с меня глаз не спустит!.. Поняв, что терять мне пока особо нечего, я съехидничала: — Вовнутрь нырнуть не забудь — вдруг там подземный ход до самого Эргля тянется!..

На это моё замечание амэнец ответил лишь тихим хмыканьем, но потом он подошёл ко мне и, взявши за плечи, слегка встряхнул.

— Послушай меня, лесовичка... Я уже достаточно пожил и людей различать умею — вижу, что не пустая дурь в тебе бурлит, поэтому и советую: не играй с огнём!.. Олдер, конечно, отогнал от тебя того борова красномордого, но если ты и дальше будешь себя так вести, ваше знакомство может закончиться не так хорошо, как началось...

Несмотря на слова, в тоне амэнца не было даже тени угрозы, и я ещё раз, теперь уже внимательно, к нему пригляделась. Пожилой — уже под шестьдесят, — пегий из-за седины, но по-прежнему сильный и жилистый. С твёрдым взглядом бледно-голубых глаз, из-за выдубленной ветром и загаром кожи кажущихся ещё светлее... Нет, он не только воин, он ещё и... Такие люди мне до этого дня не попадались, и для того, чтобы проверить свою догадку, мне требовалось ещё чуть-чуть времени... Я тихо уточнила:

— Олдер? Это так вашего кривоплечего главу зовут?

Услышавший мой вопрос амэнец возмущённо тряхнул головой.

— Он... Только даже в мыслях его кривоплечим не называй, а то ещё сорвётся с языка... И не смотри на него так, будто в руках у тебя арбалет взведённый и ты вот-вот ему стрелу прямо в сердце пустишь...

Произнеся последнее наставление, «Карающий», развернув меня, стал распутывать накрученные Ильмарком узлы и, освободив затёкшие руки, подтолкнул в сторону нужника.

— Ну, давай уже — иди по своей нужде.

Повторного приглашения мне не потребовалось, но и засиживаться долго я не стала. Даже с развязанными руками убежать у меня не получится — сквозь щель в досках я видела, что амэнец, несмотря на усиливающийся дождь, не только стоит возле отхожего места

эдаким грозным стражем, но ещё и глаз с нужника не сводит... Впрочем, даже если б и отвернулся, ничего бы не изменилось — пожилой «Карающий» был ни много ни мало — эмпатом. По силе — где-то крепкий середняк, но при свете дня мне с ним ни в прятки, ни в догонялки не сыграть — дар Чующего вкупе с многолетним воинским опытом давали ему весьма ощутимый перевес...

После того я снова предстала перед «Карающим», старательно опуская взгляд в землю. Если эмпату так досаждают мои глаза, то не стоит его ими лишний раз беспокоить. Мне, конечно же, снова связали руки, но уже спереди — стянув запястья, а живописный шрам на моём предплечье, открывшийся из-за задравшегося рукава, не оставил Чующего равнодушным. Он скользнул кончиками пальцев по оставшимся от чудовищного ожога рубцам, вопросительно посмотрел на меня.

— Кто это так с тобой?

В ответ я только плечами пожала.

— По малолетству сама обожглась... Ничего особенного...

— Угу... — Судя по голосу, моему ответу веры не было совершенно, но падающие за шиворот и на голову холодные капли не располагали к дальнейшей беседе, и мы направились в дом...

Амэнцы обустроились в самой просторной, средней горнице — большинство из них, расположившись за массивным обеденным столом, уже вовсю работали ложками. Эмпат устроил меня в углу и, подошедши к очагу, уже через пару минут вернулся с наполненной до краёв миской. Присел рядом.

— Голодная, лесовичка?

Я посмотрела на плавающий в наваристом бульоне янтарный жир и ярко-зелёный укроп... Сглотнула...

— Не особо...

— Значит, голодная! — Амэнец придвинулся ближе, взял ложку.

— Есть со связанными руками у тебя всё равно особо не получится, так что давай я тебя накормлю...

Несколько ошарашенная таким оборотом дела, я удивлённо на него посмотрела. С чего это вдруг у «Карающего» столько заботы о пленнице, которой и жить-то осталось совсем немного?!

— Когда желудок пустой, то и на сердце тоска. А ещё в голове всякие дурные мысли появляются, вроде той, что всё плохо и дальше будет только хуже... — Ответив на мой так и не высказанный вопрос, амэнец поднёс мне первую ложку, которую я, памятуя его предыдущие наставления, послушно съела...

Хотя говорили мы шёпотом, да и на глаза особо не лезли, от остальных амэнцев поведение эмпата не ускользнуло. Кое-кто по-прежнему стучал ложками, лишь косясь в нашу сторону, но нашлись и шутники, всегда готовые вставить свои пять медяшек в любой разговор...

— Осторожнее, Антар! Не забывай, что лесовичка кусается — отхватит тебе руку по самый локоть, вместе с ложкой!

Комментарий плечистого, кареглазого «Карающего» немедленно вызвал настоящую бурю восторга, но его сосед тут же ехидно возразил:

— Не... Наш старик знает, что делает!.. Эй, Ильмарк! Гляди, как надо — сначала обогрей да накорми, а уже потом со своими слюнявыми поцелуями лезь!

Новый взрыв хохота был таким оглушительным, что гневное возмущение задетого за живое Ильмарка просто утонуло во всеобщем веселье.

— Тихо! — Появившийся из боковой светёлки кривоплечий гаркнул так, что все вокруг вздрогнуло. — Что вы ржёте, как почуявшие кобылу жеребцы?!

— Да мы всего лишь немного пошутили... — попытался оправдаться кареглазый, но Олдер подошёл к очагу и, присевши около него на лавку, буркнул:

— Кто не умеет вести себя тихо, отправится отдыхать на улицу. Все поняли?

Воцарившаяся тишина яснее всяких слов подтвердила то, что мокнуть под уже вовсю зарядившим дождём амэнцам совсем не хочется. Закончив обед, они разошлись по лавкам, и хотя через некоторое время разговоры всё же возобновились, общались «Карающие» всё-таки шёпотом...

Антар же, во время всего этого действия продолжающий скармливать мне похлёбку с невозмутимостью каменной статуи, отошёл к столу с опустевшей миской, но потом опять вернулся ко мне и сунул в ладони тёплую кружку:

— Это чабрец. Мёд я тоже добавил...

Я, вскинув голову, посмотрела ему в глаза и тихо спросила:

— Ответь мне, Антар... Эмпаты все такие?

Пожилой Чующий вздохнул и присел передо мною на корточки:

— Мы все разные, лесная ведьма, но ведь и Знающие не одной ниткою шиты... — Он неожиданно тепло улыбнулся, чуть сощурив светлые глаза, и в тот же миг ещё лучше стало видно, что, несмотря на имя, на амэнца Чующий не особо похож — такое простое и открытое лицо могло быть, к примеру, у отца Стембы... Мой взгляд не остался незамеченным.

— Я полукровка, лесовичка. Мой отец увёз свою будущую жену в Амэн откуда-то из-под Ружины... — Произнеся это, Антар поднялся и, ещё раз одарив меня едва заметной улыбкой, отошёл к устроившимся на длинной лавке «Карающим», которые, осторожно взглянув на своего главу, уже достали карты... Я пригубила отвар и задумалась. Антар заговорил со мною не просто так, да и своё происхождение упомянул не для того, чтобы унять моё любопытство, — слишком он умён для этого, слишком опытен... Если Олдер сделает его в дальнейшем моим охранником, то не будет ни похотливых шуточек, ни поцелуев, но зато и обвести Чующего вокруг пальца будет очень непросто... В то же время во мне крепла уверенность, что Антар слова не скажет, если увидит, что я морочу головы другим «Карающим»... Не поможет, но и не помешает, а это в моём случае уже и так немалая помощь...

Прихлёбывая отвар, я ещё раз осмотрелась — трое «Карающих» завалились спать, остальные разбились на две группы. Одни по-прежнему играли в карты, другие бросали кости, и лишь кривоплечий остался сидеть у очага — ссутулившись, уже не обращая никакого внимания на возню подчинённых, он по-прежнему смотрел на медленно затухающий огонь... Теперь, когда он не улыбался, а, напротив, хмурился, было трудно поверить, что именно этот человек и подыграл мне, изобразив так напугавший Ласло медвежий рык... Я вновь задумчиво посмотрела на кривоплечего амэнца. Хищно вырезанные ноздри, острые скулы, глубокая складка у губ... Густая, длинная чёлка падает чуть ли не на глаза, но виски чисто выбриты, а остальные волосы забраны в пышный хвост на затылке. Странно, непривычно, но к такому лицу очень даже подходит... Интересно, какой цвет волос был у него раньше — тёмно-каштановый или чёрный, а главное, что его так

выбелило?

За мгновение до того, как я поняла, что, углубившись в наблюдения, незаметно свернула куда-то не туда, амэнец внезапно вздрогнул и повернулся ко мне. Я едва успела уткнуться в почти пустую кружку, но пронзительный взгляд Олдера ожёг меня не хуже огня.

— Ты что-то хотела спросить, лесовичка?..

Вместо ответа я сделала большой глоток из кружки и старательно спрятала глаза. Доигралась, а ведь предупреждали!.. Ментальный щит не даст кому попало читать в моей голове точно в открытой книге, но сильный колдун легко уловит направленные к нему мысли... Тем временем Олдер, наградив меня ещё одним прожигающим насквозь взглядом, снова отвернулся к очагу, и я облегчённо вздохнула. Всё-таки обошлось, но вряд ли стоит отвлекать амэнца от его мыслей, хотя чувствую: то, до чего он может додуматься, мне вряд ли понравится.

Я откинулась к стене и немного прикрыла глаза — всё, что мне сейчас остаётся, это ждать темноты и подходящего случая, который, надеюсь, ещё появится, хотя жизнь далеко не всегда идёт нам навстречу и часто бывает жестокой... Ну а то, как обошлась судьба с Ирко... Очередное воспоминание о муже заставило меня тяжело вздохнуть — я до сих пор чувствовала себя виноватой перед ним, хотя и понимала, что помочь ему вряд ли бы смогла даже с проснувшимся даром...

Глава 2. Ирко

Похоронив прабабку, я продолжала жить как и прежде — разве что, уходя в лес за ягодами или грибами, просила Кветку посидеть с матерью... О предсказанном мне замужестве я не задумывалась, да и, положив руку на сердце, не ощущала себя невестой... Своим долгом я считала обучение травничеству и уход за матерью; подружек моего возраста, с которыми можно было бы пошептаться о делах сердечных, у меня тоже не было, а что до деревенских парней, то я их и за мужчин не считала! Для меня образцами были отец, Мика и Стемба, а полянские женихи не то что до отца, но и до новобранца из «Лисов» не дотягивали, и дело тут было вовсе не в выправке, рыже-коричневых куртках и начищенных сапогах. Петушиный гонор и разухабистость сельчан не имели ничего общего с железной выдержкой и отнюдь не показушной смелостью, какие я привыкла видеть в том же Стембе. Ну а если прибавить к этому совершенно дурацкие, похабные шуточки и бычью прямолинейность...

Впрочем, ради справедливости надо заметить, что для местных парней я тоже не была пределом мечтаний — чаще всего на меня смотрели с недоумением... Виной тому были не только отсутствие пышных форм и круглых румяных щёк с ямочками — далеко не все мои сельские сверстницы обладали этими столь ценимыми полянцами красотами, — а одежда. Мне никогда не нравились массивные, звенящие, точно коровьи колокольчики, украшения сельчанок. К тому же по лесу, как ни крути, удобнее бегать в высоких сапогах и штанах, чем голоногой, в юбке; да и рубашку лучше носить мужскую: с широким поясом, глухую, со шнуровкой под горло и завязками, стягивающими края рукавов, чем женскую — всю открывающую грудь и плечи. Так и клещам до тебя труднее добраться, и комарам поживы меньше будет. К тому же я ведь в лес не только за ягодами ходила. Благодаря урокам Стембы я вполне успешно могла подстрелить какую-нибудь мелкую дичь, а кроме того, ещё живя с прабабкой, за редкими травками я частенько забиралась и в болота, и в заросшие кустами овраги, где полно змеиных и паучьих нор... Но если Нарсия в мужской одежде выходила только в лес, а дома переодевалась в глухое, длинное платье, то я, ощутив все преимущества такого неженского одевания, как штаны, не захотела его менять. Прабабка, что удивительно, отнеслась к этому спокойно — похоже, главным для неё было то, что я не покушалась обрезать свои отросшие волосы...

В общем, по мнению полянцев, я выглядела более чем странно: неяркая, невысокая, не особо фигуристая, с бледной кожей, да ещё и одета не так, как полагается девушке. Единственного решившего осчастливить меня ухаживанием парня — дурень решил меня облапить, когда я набирала воду из колодца, — я, ещё при живой Нарсии, шуганула так, что мало не показалось, и с тех пор жила себе спокойно. Кветка, правда, уже не раз заводила со мною разговор о том, что после смерти прабабки мне лучше не оставаться одной, а городские парни, в отличие от недалёких сельчан, по достоинству оценят и цвет моей кожи, и тёмно-серые, опущённые густыми ресницами глаза, и толщину русой косы. Но я от этих её намёков лишь отмахивалась — красавицами в моей семье являлись сестра и мать, а я и брат были точными копиями отца. Такое наследство меня всегда вполне устраивало, а теперь я и вовсе тихо радовалась не исчезнувшему с годами сходству с отцом, ведь это было единственным, что у меня от него осталось! Но в то же время я хорошо понимала, что красивыми мои черты не назовешь — лицо у меня самое обычное...

Если же Кветка не унималась и продолжала рассказывать о каком-то симпатичном работающем мастеровом из Эргля, который и наяву, и во сне мечтает лишь о такой жене, как я, в ход шёл последний аргумент, на которой даже у Кветки не находилось ответа. Помешанную тёщу к себе в семью в качестве приданого не возьмут ни селяне, ни горожане, а мать я не брошу ни за что и никогда, хотя бы ей самой и было уже всё равно...

Так прошёл год — пыл Кветки потихоньку спал, парни довольствовались ухаживаниями за более понятными им девушками, и потому смысл девичьего гомона у колодца дошёл до меня не сразу. Собравшиеся в кружок будущие невесты были так увлечены спором, что на мой приветственный кивок даже внимания не обратили, продолжая шуметь...

— Пусть только попробует ко мне посвататься! Я этому увальню дедовскую шапку поднесу — с неё как раз последний мех облез! — Полненькая чернявая Каринка, уперев руки в бока, зло блестела глазами.

— Тю, шапка!.. Нашла, чем пугнуть!.. Вот если он ко мне с дарами придёт, я ему вываренные кости вынесу — такие, что даже собаки есть не будут! Пусть знает своё место! — Не менее фигуристая, но ещё более языкатая дочка старосты Зарка воинственно выпятила пышную грудь.

Из сруба колодца донёсся тихий плеск — ведро наконец-то достигло воды, и я взялась за ворот, раздумывая, кому из сельских парней готовится такое изощрённое издевательство. Сватовство у сельчан всегда шумное и людное: стоящим на крыльце родителям и невесте жених на глазах у всех соседей подносит подарки, а потом ждёт, когда невеста, мышью скользя в хату, не вынесет ему в прикрытом чистым полотенцем лукошке ответный дар, который полагается достать тут же — всем напоказ!.. Обычно таким подарком бывает праздничная рубаха, пояс или отороченная мехом да расшитая бисером шапка с такими же рукавицами. Поскольку девушки знают, что их мастерство и способность к рукоделью на все лады будет обсуждать вся деревня, то корпят над подарками для будущего мужа по несколько месяцев, начиная свою работу задолго до того, как жених вообще объявится...

Но иногда, если посватавшийся парень сильно не по сердцу, ответным даром может оказаться какой-нибудь старый хлам — чем поношенней и затасканней, тем обидней отказ. Ну а такие избалованные самодурки, как дочка старосты, действительно могут и объедки вынести, и веретено — это уже не просто оскорбление, а настоящий позор. Над таким неудачником будет потешаться всё село, да и другая невеста вряд ли будет добра к незадачливому жениху, ведь принять дары ославленного для сельчанок всё равно что дёгтем измазаться... Дескать, подобрала из грязи то, на что другие даже не посмотрят!..

Между тем страсти у колодца накалялись — Каринка, пытаясь превзойти язвительностью Зарку, уже дошла до непропечённого хлеба и тухлых яиц, но её перебила конопатая Дишка.

— Дура! Если ты дрянной хлеб вынесешь, потом вся деревня будет не над Ирко смеяться, а над тобою потешаться — дескать, безрукая, готовить не умеет, вместо каравая камень печёт!

Услышав знакомое имя, я передумала уходить, хоть вода и была уже набрана. Кветка очень тепло относилась и к ныне уже покойному пасечнику, и к его сыну, а тут такое затевается... Между тем Каринка, пораскинув мозгами, согласилась с доводом:

— Ну да... Наши могут... А ты что поднесёшь?

Услышавшая вопрос Дишка неожиданно потупилась.

— Ну... Я ему тоже шапку вынесу... И рукавицы... Новые... — И совсем смешавшись,

тихо добавила: — У него ведь хозяйство крепкое... Пасека опять же... Меня батя вожжами до крови изобьёт, если я не соглашусь...

— Так изобьют один раз, а вековать с таким мужем всю жизнь придётся, — возразила на такую покорность Каринка, а потом сделала страшные глаза и добавила: — Он ведь, как и отец, — перевёртыш, бэр! Оборотится после свадьбы диким зверем — будешь знать! Сожрёт и не подавится...

Но Дишка обречённо махнула рукой.

— Он и так почти что зверь — здоровенный, страшный, волосы — как шерсть... Моя мать говорила — его батя от медведицы как раз и зачал, после того как вдовцом остался...

А вот это уже выдумки, причём выдумки глупые и очень нехорошие... Прабабка мне рассказывала о том, как на перевёртышей гонения устраивали — в сёлах из-за дурных поклёпов избы вместе с женщинами и детьми горели; главы семей, пытаясь уберечь родню, на пики кидались... И хотя с той поры уже немало лет прошло, злой язык следует подрезать... Я скрестила руки на груди, усмехнулась:

— А с чего вы вообще решили, что Ирко к вам свататься будет? Ему, по-моему, и так неплохо живётся!..

Возле колодца на минуту воцарилось молчание — девушки изумлённо воззрились на меня, но потом Каринка уверенно заявила:

— Ну, так Ирко сегодня с утра к Кветке с большущей корзиной заходил и сидел у неё долго...

Так вот из-за чего весь сыр-бор начался! Ну, сейчас вы у меня получите, дуры языкатые!

— И вы что, тут же решили, что он сваху умасливал? — Теперь в моём голосе слышно ледяное презрение... — Ирко ей просто обещанный заказ принёс, ведь Кветка не только сама без мёда жить не может, но и для своих дочерей его в запас берёт. В городе такого мёда, как у Ирко, днём с огнём не сыщешь... К тому же Кветка, в отличие от вас, знает, как настоящей хозяйке себя вести положено — она гостя всегда и накормит, и напоит, и беседой развлечёт!

Лица незадавшихся невест при моих словах вытянулись, точно у лошадей, а я, окатив их ещё одним полным презрения взглядом, взяла вёдра и пошла домой — говорить с ними мне было больше не о чем!..

Причина, по которой покойного Дорваша всегда окружало облако из уважительного страха и шепотков о его бэрском происхождении, становилась ясна как божий день, стоило только увидеть, как старый пасечник степенно шествует по сельской улице на общинный сход. Действительно огромный, плечистый, с окладистой седой бородой до пояса — остальные сельчане смотрелись рядом с ним беспомощными котятками. Голос у Дорваша был под стать росту, а сквозившей в движениях и не угасшей с годами силы хватило бы не на одного медведя, а сразу на трёх. Перечить ему на сходе не смели ни в одиночку, ни гуртом, а сборщик налогов подходил к пасечнику едва ли не с поклоном.

Кветка рассказывала, что в Большой Поляне Дорваш появился уже с женой и, отстроившись на отшибе, поднял с пустого места хозяйство, которому все окрестные тихо завидовали, ведь такую скотину стоило поискать. Козы редкой тонкорунной породы, несущки не какие-нибудь, а крапчатые, корова — молочная, трёхцветная... Правда, разбогатева, детей пасечник так и не прижил, поэтому после смерти жены, уже в пожилом возрасте, женился ещё раз — на девушке из Выселок, оказавшейся к тому же ещё и лучшей подругой Кветки. Жена, вначале боявшаяся Дорваша до колик в животе и вышедшая за него

только по приказу позарившихся на богатый откуп родителей, уже через два месяца была Малике поклонны, неустанно благодаря богиню за посланного ей мужа. Дорваш не поднимал на жену руку даже ради острастки, не гнул её непосильной работой и, возвратясь с ярмарки, баловал дорогими подарками... Малика же, похоже, решила не останавливаться на полпути — уже через год у Дорваша появился сын, но посланное богиней счастье оказалось коротким. Маленькому Ирко было всего четыре месяца, когда его мать, отправившись в Выселки навестить родителей, на обратном пути провалилась под подтаявший лёд и утонула...

Недавно разродившаяся Кветка стала для осиротевшего малыша молочной матерью — он рос вместе с её старшей дочерью, но когда пришёл срок, Дорваш забрал мальчика на хутор. Кветка никогда не забывала о своём выкормыше, да и с Дорвашем осталась в самых тёплых отношениях, но подросший Ирко никогда не появлялся в Поляне, да и сам старый пасечник, овдовев во второй раз, посещал нашу деревушку только по делу. Эта разросшаяся с годами нелюдимость — Дорваш даже работницу перестал нанимать, и хозяйство, и хата держались на нём и сыне — конечно же, породила новую волну слухов и домыслов... Сама я видела Ирко вблизи всего один раз. Было это два года тому назад, и, похоже, сам парень испугался меня гораздо больше, чем я его...

Кветка тогда, ища в лесу отбившуюся козу, сильно подвернула ногу и потому отпросила меня у Нарсии для похода на пасеку за так некстати закончившимся в доме мёдом. Благодаря старательно описанным мне Кветкой приметам я довольно легко нашла спрятавшийся в дебрях хутор, но когда вышла из-под деревьев во двор, меня даже лай собаки не встретил — разве что в сарае кто-то возился. Пришлось покричать... Вышедший из хаты Дорваш не скрывал своего удивления.

— Чья ж ты будешь, пострелёнок с косой?

Я назвалась и, изложив просьбу Кветки, уже собиралась отдать пасечнику деньги, как он остановил меня, сказав, что с Кветки плату не возьмёт. После чего меня пригласили в дом и, напоив квасом, неспешно расспросили о здоровье вдовы. Потом Дорваш попросил передать Кветке пожелания скорейшего выздоровления и, повернувшись к ведущей в сени двери, крикнул:

— Ирко!.. Не стой столбом, иди сюда!

В сенях завозились, и в горницу вошёл Ирко с уже приготовленным гостинцем. Совсем взрослый, не уступающий ростом отцу, парень подошёл ко мне, не поднимая глаз, и, втиснув в руки огромный глиняный горшок, тут же отвернулся и поспешил уйти. На моё посланное вдогонку «спасибо» Ирко даже головы не повернул, а ссутулившись поспешно юркнул в сени. Я удивлённо хлопнула глазами, а Дорваш встал из-за стола и сказал:

— Прости моего сына. Он стеснительный очень, да и к чужим не привык.

В ответ я лишь плечами пожала. На Ирко я не сердилась — мне просто было странно видеть здорового, как медведь, парня, который ведёт себя так, будто боится, что я его съем...

Этой же осенью Дорваш умер — не от болезни, а просто от старости, и Ирко остался на хозяйстве один. Теперь ему время от времени приходилось посещать нашу деревеньку, но делал он это в такие часы, когда народу на улице и во дворах было меньше всего, да и все заказы на воск и мёд передавались ему через Кветку — к решившим посетить его прямо на пасеке сельчанам он просто не выходил...

После сцены у колодца прошло два ничем не примечательных дня, а следующее утро я встречала на огороде. Грядки с целебными растениями содержались в идеальном порядке, но

вот капусту я подзапустила, да и возле тына разрослись колючие, отнюдь не лечебные бурьяны. Я прошла уже большую часть капустных грядок, когда пробегающий мимо сорванец не преминул мне кликнуть, что в Поляну заехал купец, так что надо скорее бежать к колодцу, возле которого торговец и выложил свои богатства. Сообщив это известие, мальчишка умчался дальше, всю сверкая голыми пятками, а я опять принялась за капусту. Полянцы падки на всё яркое да новое, но при этом прижимисты и осторожны — вокруг тех же бус по три часа будут ходить, прежде чем купят, так что купец вряд ли сильно расторгнется до того, как я управлюсь с огородом...

Если с капустой особых трудностей не было, то сорняки решили дать мне бой — столь любимый прабабкой чертополох кололся даже через несколько раз обёрнутую вокруг стебля тряпку и не желал лезть из земли ни в какую. Кое-как справившись с двумя упрямыми сорняками, я намертво застряла на третьем — казалось, что он корнями до самого Аркоса дотянулся!.. Переведя дух, я снова подступила к насмешливо покачивающему листьями чертополоху — я ведь тоже не садовая роза, справлюсь!.. И тут прямо у меня над головой пробасили:

— Эрка?!

От неожиданности я, распрямившись, резко отскочила назад и, увидев того, кто смог меня так напугать, выдала не менее изумлённо:

— Ирко?!

Щёки уставившегося себе под ноги парня немедля стали пунцовыми:

— Да, я... А ты изменилась... Выросла...

Прикинув, что у меня действительно выросло за последние два года, я, поправив ворот, скрестила руки на груди:

— Ты тоже... Изменился...

Я не шутила — Ирко за это время ещё больше оброс мышцами, раздался в плечах и по-настоящему заматерел. Хотя и правильные, но излишне крупные черты лица заметно огрубели, квадратная челюсть словно бы утяжелилась, тёмно-каштановые волосы по своей густоте теперь действительно напоминали мех... Это ж сколько ему стукнуло — двадцать четыре? Двадцать пять?

— Эрка... Можно с тобой поговорить?.. Это важно... — Румянец схлынул с лица парня почти так же внезапно, как и появился, оставив после себя полотняную бледность, а я отступила на шаг и кивнула. Ирко перешагнул невысокий плетень и, взявшись за непокорный куст, вытащил его из земли так, будто у того корней совсем не было — только кистью чуть шевельнул, и всё... Я же, наблюдая за парнем, потихоньку начала приходить к тем же выводам, что и дурочки у колодца, — Ирко сватается! Да и как иначе объяснить эту не свойственную ему прежде разговорчивость, надетую в будний день праздничную рубашу, до блеска смазанные сапоги... Ирко же, отбросив бурьян, подошёл ко мне:

— Я на днях у Кветки был... Не просто так... Попросил её мне невесту найти, а она сказала, что ты до сих пор одна живёшь... — Тут он впервые оторвал взгляд от земли и, посмотрев прямо на меня, глухо произнёс: — Выходи за меня, Эрка? Не могу я больше сам по себе!.. Тошно!..

Глаза у Ирко оказались необычайно красивые — большие и добрые, они напоминали цветом гречишный мёд, в котором утонули солнечные лучи... А ещё в них стыла такая тоска, что я мгновенно поняла: ему действительно тошно! Плохо так, что хоть петлю на шею или в омут с головой!.. Я вздохнула:

— Понимаешь, Ирко, я ведь не одна — у меня мать на руках, и она... — Решив, что, вместо того чтобы полчаса объяснять, лучше один раз показать, я, оборвав себя на полуслове, направилась в дом, махнув Ирко рукою. — Пойдём...

Мать сидела на своём обычном месте, почти утонув в выстеленном одеялами кресле, — руки бессильно лежат на коленях, глаза полузакрыты, голова медленно перекачивается из стороны в сторону по подстеленной подушке: влево-вправо, влево-вправо. Именно по этим движениям и можно было определить, когда мать не спит... Хотя... Вряд ли это бессмысленное существо всё ещё было моей матерью — скорее, её оболочкой... Напоминанием...

Ирко, зайдя в комнату, вежливо поздоровался, а мать, конечно же, его не заметила. Я подошла к креслу, поправила подушку и, положив руку на высокий подлокотник, повернулась к неожиданному жениху.

— Вот моя мать, Ирко. Она не в себе — не говорит, никого не узнаёт, ничего не замечает... Это не лечится, а ухаживать за ней надо как за младенцем. Кормить, мыть, менять подгузники, переодевать...

Ирко решительно шагнул вперёд, его огромная, жёсткая ладонь накрыла мою:

— Я буду помогать, Эрка!.. Дом от отца мне большой достался — места всем хватит. Всё устрою как надо, ты только скажи...

Я изумлённо посмотрела на него. Если бы на месте Ирко оказался любой другой сельский парень, то дверь моей хаты хлопнула бы раньше, чем начались пояснения, но Ирко не просто остался... Чужое горе словно бы преобразило его — в мгновение ока он посуровел и ещё больше повзрослел, тоска во взгляде сменилась заботливой серьёзностью.

— Я ведь не знал, что тебе так трудно, — Кветка ничего не рассказывала... Но теперь я вас не оставлю — всегда рядом буду...

То ли от тёплой ладони Ирко, то ли от этого его совершенно нового, переполненного внутренним светом взгляда в глазах у меня вдруг подозрительно защипало и я, чтобы спрятать неожиданно проступившие слёзы, прижалась к парню, прошептав:

— Я не против...

— Лапушка... — Часто задышав, Ирко осторожно поцеловал меня в макушку, но уже в следующий миг возмущённый крик: «Ах ты, негодник!» — заставил нас повернуться к распахнувшейся во всю ширь двери, на пороге которой стояла пылающая праведным гневом Кветка. В выходной юбке, на плечи накинута привезённая из города нарядная шаль, руки упираются в располневшие бока, насурьмлённые брови грозно насуплены. Вот такой же вид у неё был, когда она со старостихой на глазах всей деревни бранилась — та уже и не рада была, что вообще рот на Кветку открыла... Ирко, надо отдать ему должное, при появлении этой тяжёлой кавалерии не отскочил в сторону, а лишь ещё теснее прижал меня к себе, чем вызвал целую бурю возмущения.

— Это что же такое делается, а!.. Только в хату зашёл и уже руки распускает, кобелина лохматая! Думает, что за сироту вступиться некому!.. А ведь таким скромником вначале прикидывался, от стола глаз не поднимал, бессовестный!.. — По-прежнему грозно сверкая очами, Кветка ступила в комнату и продолжила: — Я тебе что сегодня сказала? Ждать меня в хате, пока я к колодцу сбегая да товар посмотрю — может, какая хорошая вещь на подарок попадётся... А ты, вместо того чтобы ждать, сразу сюда поёрся, против всяких обычаев — без свахи, с пустыми руками, а теперь ещё и к девочке пристаёшь, точно паскудник Ласло, чтоб ему Малика всё в штанах отсушила!..

Пока Кветка так разорялась, я, глядя на неё, чувствовала, как в моей душе всё больше воцаряется странное умиротворение — я словно перешла какую-то грань, за которой слова разгневанной свахи могли вызвать разве что улыбку... Ирко, похоже, почувствовал то же самое, что и я, поскольку ещё через минуту Кветка вдруг осеклась на очередном витиеватом ругательстве и с подозрением спросила:

— А что это вы так улыбаетесь оба? Сговорились, что ли?..

Я даже кивнуть не успела, как Ирко, окончательно сгрёбши меня в охапку, пробасил решительное:

— Да! Сговорились!..

— Родненькие мои!.. — В тот же миг гнев Кветки сошёл на нет, и она уже совсем другим тоном продолжила: — Ты, Ирко, себе хорошую жену выбрал. Эрка не какая-нибудь вертихвостка, навроде этой дуры Зарки! Она девочка скромная и ласковая, с ней у тебя в хате светло будет. Да и ты, Эрка, правильно сделала, что опять ершиться не стала. Ирко я с малолетства знаю. Он парень серьёзный — непьющий, негулящий и хозяин хороший... Прямо как мой Болько, земля ему пухом... — Тут глаза Кветки неожиданно увлажнились, и она, всхлипнув: «Живите в согласии, родненькие», стала вытирать побежавшие из глаз слёзы кончиком шали...

Слёзы у Кветки были явлением редким и недолгим. Уже вскоре она, взяв на себя обязанности сразу двух матерей, вошла во вкус и вновь попеняла на нарушение вековых традиций — дескать, теперь из-за недомыслия Ирко село не увидит моего ответного подарка... Моё же замечание о том, что сельчане и так ничего бы не увидели, ведь никаких даров для жениха у меня в хозяйстве и в помине нет, заставило Кветку целый час вздыхать о том, какая же всё-таки нынче непутёвая молодёжь пошла — дедовские заветы ей не указ, один ветер в голове!..

Когда же вздохи и причитания наконец закончились, мы стали судить и рядить, как жить дальше. Кветка согласилась с тем, что ждать осени и устраивать гулянку на всё село нам с Ирко действительно незачем — проще выбраться на денёк в Эргль и испросить там благословения Малики на начало семейной жизни. Ну а на подготовку к переезду мы положили десять дней. За это время Ирко собирался устроить горницу для матери, а я хотела разобрать свой нехитрый скарб и прикинуть, какие из лекарственных трав мне стоит взять с собой и пересадить на новое место, а какие оставить... Впрочем, заниматься мне пришлось не только этим — на третий день Кветка заявила ко мне с видом амэнского захватчика и потребовала, чтобы я показала ей платье, в котором собираюсь предстать перед светлым взором Богини, ибо негоже невесте являться в храм, одетой точно мальчишка. Я уже и сама прикинула, что моя любовь к штанам может произвести на жриц неизгладимое впечатление, и потому показала Кветке одно из оставшихся мне от прабабки платьев. Нарсия до самой смерти сохранила лёгкую фигуру, так что поработать пришлось всего ничего: немного сузить талию да ладони на две дотачать слишком короткий подол... Кветку, правда, осмотр не удовлетворил — заставив меня покрутиться во все стороны, она села на лавку и тяжело вздохнула.

— Эрка... Ты действительно решила венчаться в этом платье?..

— Да... — Я ещё раз поправила высокий воротничок-стойку и провела рукою по прямой и тяжёлой, старательно отглаженной мною юбке... — А что не так?

— Ну, если ты собралась идти в храм Малики для того, чтобы принять постриг, то лучшего платья действительно не найти!.. Ни дать ни взять жрица милостивой! — И тут

Кветка встала со скамьи и решительно тряхнула головой. — Ничего, время у нас ещё есть — подберём тебе достойный наряд!..

Этим же вечером Кветка явилась ко мне с целым ворохом одежды, и два часа кряду мне пришлось заниматься примеркой то одного, то другого, то третьего... Из всей моей одежды Кветкой была одобрена лишь исподняя рубашка из тонкого белёного полотна, всё же остальное было отринуто вдовую напрочь... Сама Кветка суетилась вокруг меня эдакой наседкой — затягивала шнуровку, поправляла рукава, хмурилась, что-то прикидывала... Наконец она, отступив на шаг, ещё раз внимательно на меня посмотрела и улыбнулась.

— Ну, вот теперь то, что надо! Настоящая невеста!..

Я посмотрела на одобренный наряд — открывающая грудь и плечи рубашка с пышными рукавами, чёрный бархатный корсаж, сильно присборенная в поясе, сплошь украшенная вышивкой и яркими аппликациями пышная юбка до щиколоток... Кветка окинула меня ещё одним благосклонным взором, но потом её взгляд упёрся в мои босые ноги и она, охнув:

— Чуть не забыла, дура старая! — выудила из-под лавки два алых, расшитых золотистым бисером башмачка. — Меряй!

Я осторожно обула обновку — красная кожа хорошей выделки, затейливая вышивка, тонкая подошва... И как я в них до Эргля дойду?

— Я их у давешнего купца выторговала! Он клялся, что вторых таких ни в Эргле, ни в Брно не сыщешь, и, похоже, не врал. Ну как, угадала? Не жмут?

— Нет, Кветка. Они даже немного велики, — честно ответила я, скромно умолчав о том, что последнее обстоятельство меня особо порадовало — как раз получится стельку вставить, чтоб подошва стала хоть капельку толще... А Кветка, услышав мой ответ, восхитилась:

— Да такой ножки, как у тебя, верно, даже у княжон нет! Теперь только посмей мне ещё раз сказать, что ты не красавица!

— Хорошо, не буду... — Перестав смотреть на свои ноги, я попыталась подтянуть низко вырезанную рубашку и осторожно спросила:

— Может, поменяем? Грудь же совсем голая!..

— Сейчас прикроем! — Кветка покопалась в беспорядочно разбросанных по лавке юбках и вытащила из-под них целый моток переливающихся всеми цветами радуги бус... Уж лучше бы я о вырезе даже не заикалась!..

В назначенный день я, дождавшись долженствующую меня подменить Кветку, выбралась из дома едва ли не крадучись. Было ранее утро, а я не хотела, чтобы меня заметил кто-нибудь из вышедших на огород или к скотине сельчан. Из-за приезда купца судьбоносный приход Ирко в село остался незамеченным, к передвижениям Кветки из своей хаты в мою все давно привыкли, да и сама Кветка, памятуя о порушившем все правила сватовстве, предпочитала помалкивать о нашем с Ирко сговоре, но если теперь меня увидит кто-то из соседей, то долгих расспросов не миновать...

Воровато оглянувшись, я мышью шмыгнула на свой огород и, перебравшись через низкий тын, поспешила скрыться под деревьями. Ещё через две минуты я уже бежала к назначенному месту — одной рукою я сжимала норовящие звенеть от каждого движения бусы, другой придерживала юбку, стараясь не намочить её подол в росе...

— Эрка... — оказалось, что вставший ещё раньше, чем я, Ирко не стал дожидаться меня на развилке, а пошёл навстречу. Чисто выбритый, подтянутый, сапоги смазаны так, что в них можно как в зеркало смотреться, поверх выходной рубахи — новая куртка из добротного коричневого сукна. Вид — хоть в храм, хоть на воинский смотр, вот только лицо бледное и

под глазами тени... Я подошла к своему жениху, положила руку ему на грудь — сердце у Ирко билось так часто и сильно, что это чувствовалось даже сквозь одежду.

— Ирко, ты что — всю ночь не спал?

— Не спал... — признался он, а его ладонь тут же осторожно скользнула по моей щеке. — А ты дрожишь вся, как зайчонок...

Это он верно заметил — я чувствовала себя так, точно собиралась прыгнуть в реку с обрыва, да и утро выдалось прохладным...

— Мне просто холодно... — Я ещё раз зябко поёжилась, а Ирко, поставив на землю корзинку с предназначенным Малике подношением, снял с себя куртку и укутал меня ею, точно ребёнка. Сукно хранило тепло его тела и пахло почему-то смолой и мёдом... Дрожь почти сразу прошла, оставив после себя лишь неясное волнение.

— Так лучше? — Руки Ирко по-прежнему лежали у меня на плечах. Я улыбнулась:

— Да, спасибо... А теперь пойдём скорее — может, на дороге какой обоз встретим... — Ирко согласно кивнул, и уже вскоре мы почти незаметными тропками пробирались к тракту на Эргль. Лошади в нашей деревеньке водятся лишь у старосты да ещё двух мужиков — тех, что чаще других навешиваются в Эргль или промышляют извозом. Для остальных же конь в хозяйстве не особо нужен — деревня кормится лесом да огородами, а узенькие полоски ржи на её окраине полями нельзя назвать даже с большой натяжкой. К тому же единственная ведущая в Большую Поляну дорога делает очень неудобный крюк, который легче срезать по прямой — через лес. Именно так мы с Ирко и поступили, а ещё через час нам удалось встретить идущую в Эргль подводу и напроситься попутчиками... Ближе к полудню заметно потеплело — я отдала Ирко куртку, а ещё через несколько минут из-за поворота показался Эргль. Мастерские, халупы и придорожные харчевни уже давно выплеснулись за изрядно обветшалые городские стены — даже на арке въездных ворот можно было различить широкие, кое-как замазанные трещины...

Возница телеги, узнав, за какой надобностью мы с Ирко отправились в город, обстоятельно описал нам, как найти храм Малики, так что по грязным улочкам мы проплутали совсем недолго. Беленые стены святилища обвивал дикий виноград; у лестницы прямо в дорожной пыли копошились голуби; вдоль стен сидели нищие — они ждали не только подаваний, но и приготовленной для них жрицами снеди... Заметив, что у одного из калек из-под накинутой на плечи рогожи виднеется затёртая куртка «Лисов», я подошла к нему и насыпала в миску для подаваний целую горсть взятой у Ирко мелочи. Одноногий носил куртку не напоказ, скорее даже наоборот — прятал, а значит, действительно когда-то был «Лисом», а не просто вышибающим слезу нищим...

— Зве-е-рь! — неприятный, визгливый голос раздался прямо за спиной, и я, обернувшись, увидела непонятно как оказавшуюся рядом с нами нищенку-кликушу. Эти полубезумные и зловредные особы жить не могут без внимания толпы и являют собою печальный пример того, во что может превратить человека неправильно использованный или ставший выше воли носителя дар. И хотя от кликуш никогда не дождёшься ни единого доброго слова, простолюдины относятся к их воплям, как к настоящим пророчествам... Вот и теперь народ вокруг просто замер, а нечесаная, расхристанная, с перекошенным от злобы лицом кликуша вытянула трясущуюся, грязную руку в сторону Ирко.

— Вон отсюда, ублюдок!.. Тебе здесь не место!

Вместо ответа побелевший точно мертвец Ирко схватил меня за руку и что было мочи потащил за собою на ведущую в святилище лестницу. Я, споткнувшись на высоких ступенях,

едва не упала, но Ирко и не подумал сбавить ход, а вслед нам понеслось ещё более визгливое и истощное:

— Нет, зверь! Не-ет! Только не в хра-а-ам!..

Уже оказавшись возле входа, Ирко с силой толкнул дубовую дверь и буквально втащил меня за собою под храмовые своды. Створки за нами сразу же захлопнулись, в мгновение ока отрезав и шум улицы, и вопли кликуши... Хотя ступеней до входа было всего ничего, я, почувствовав, что у меня подкашиваются ноги, прижалась к стене, закрыла глаза.

— Эрка... Ты ей поверила? — В голосе стоящего рядом Ирко была такая тоска, что я вздрогнула...

— Нет, Ирко. Я таким никогда не верю... — Я со вздохом открыла глаза и посмотрела на застывшего рядом жениха. Лицо у него было такое, точно его только что с дыбы сняли, но когда Ирко услышал мой ответ, его губы дрогнули в слабом подобии улыбки.

— Я думаю... Она, наверное, озлилась из-за того, что вся мелочь другому досталась...

— Вполне может быть... — Обсуждать слова трясущейся от злости бабы мне совсем не хотелось, и я, откинув с лица выбившуюся прядь, взяла Ирко за руку. — Хватит о ней. Пойдём, поищем жрицу...

— Обещаешь ли ты, Эрка, помня заветы богини, почитать данного тебе мужа и хранить ему верность?.. — Голос ещё молодой, но уже сильно располневшей жрицы был словно присыпан пылью. Ей было невыразимо скучно повторять давно заученные слова, да она бы, верно, их и не повторяла, но завёрнутые в тряпицу монеты сделали своё дело...

— Обещаю... — Я посмотрела на скучное лицо жрицы и вновь вспомнила, с какой безразличностью белые пальцы служительницы Малики копались в корзине — казалось, от одного этого прикосновения яйца протухнут, а мёд станет горьким, как полынь, но потом безразличность и скуку — дескать, чего ещё от тёмных поселян ждать! — сменила хищная заинтересованность: «О-о-о, деньги...»

— Обещаешь ли заботиться о муже и детях, что пошлёт тебе богиня, обещаешь ли быть мудрой, милосердной и терпеливой, как требует того Малика?.. — Жрица продолжала плести канву обряда. Борясь с дурнотой, накатившей на меня из-за царящей вокруг пропитанной тяжёлыми запахами духоты, я посмотрела в сторону Ирко. На лице моего жениха — нет, уже почти мужа! — царило серьёзное и вместе с тем какое-то детское благоговение. Для него происходящее вокруг действительно было таинством, а жадной и скучной жрицы просто не существовало...

— Обещаешь ли ты, Ирко, относиться с уважением к данной тебе Маликой жене и будущей матери твоих детей? Обещаешь ли помнить о том, что твоя жена по воле Богини служит отражением её терпения и милосердия?

— Обещаю... Жизнь за неё положу! — В голосе Ирко сквозила неподдельная искренность, но жрица на это лишь поморщилась — не входящие в обряд слова могли вызвать у неё только досаду...

— Богиня даёт вам своё благословение — отныне вы муж и жена, как перед Семёркой, так и перед людьми... — За спиною откровенно скучающей жрицы непонятно как пробившийся в залу солнечный луч заиграл на каменном лице Малики, губы статуи на миг словно бы дрогнули в улыбке, а я почувствовала, как у меня отлегло от сердца. Несмотря на забывших заветы богини служительниц, Милостивая всё же не оставила это место и по-прежнему внимала людским радостям и горестям...

Закончив обряд, жрица скрылась в глубинах святилища — не иначе как пошла деньги пересчитывать, а Ирко помог мне подняться с колен и поцеловал в щёку... Я, как раз прикидывая, где может быть боковой, не церемониальный выход, едва ответила на эту ласку, почти сразу же нырнув за один из широких, поддерживающих кровлю пилонов.

— Сюда нельзя, наверное... — рука последовавшего за мной Ирко предупреждающе легла на моё плечо, и я, повернувшись к свежеиспечённому мужу, улыбнулась:

— Ну, ты же не хочешь ещё раз встречаться с той мерзкой бабой у входа? Правда?

Ирко нахмурился:

— Не хочу...

— Так пойдём... — Я уверенно двинулась вперёд, радуясь тому, что почти все святилища Малики более-менее похожи — если успел как следует осмотреть одно, то и в других не заблудишься. Во время приездов в Ильйо мать водила меня по святилищам всей Семёрки, а я, попадая в них, отнюдь не всегда стояла на месте, обследуя во время затянувшихся служб укромные закоулки... Детская память не подвела меня и теперь — нырнув за решётчатую дверку в стене, мы оказались в узком коридоре.

— Если мы пойдём налево, то попадём во внутреннее святилище: туда нам действительно нельзя — входить в него могут лишь сами жрицы, но если мы свернём сюда... — Я шагнула вбок и, вытянув руку, сразу нащупала дерево почти неразличимой в темноте двери... Толкнула... И ещё через пару мгновений мы с Ирко уже стояли на совершенно безлюдной улочке, а захлопнувшаяся за нами дверь спряталась за сомкнувшимися виноградными листьями. Ирко сощурился на такое яркое после затемнённого святилища солнце, а потом неожиданно сгрёб меня в охапку и поцеловал — крепко, по-настоящему, в губы...

— Спасибо тебе, Эрка... — Я, немного опешившая от такой его прыти, не преминула уточнить:

— За что?

Лицо Ирко мгновенно стало серьёзным:

— За всё... — Решив, что нам подходит любое направление, кроме того, которое выведет к центральному входу в святилище, Ирко, взяв меня под руку, направился в извивающийся между слепыми стенами домов переулок...

Причину нарастающего шума мы поняли лишь тогда, когда оказавшийся не только извилистым, но ещё и длинным переулок вывел нас прямо на мощённую булыжником и запруженную народом площадь — в Эргле была ярмарка! От криков разносчиков и зазывал звенело в ушах, на все лады мычала и кудахтала домашняя живность, празднично одетые люди смеялись, торговались, ругались, спорили и шутили... После лесного житья царящее вокруг оживлённое многоголосие ошеломило даже меня, а Ирко и вовсе оглушило — на пару минут он застыл настоящим столбом, но потом потер ладонями виски, взял меня за руку и начал обходить площадь кругом, стараясь не слишком углубляться в извилистые ряды торговцев...

Более-менее уверенно Ирко почувствовал себя, лишь когда мы достигли заставленного телегами края площади — людей здесь было поменьше, а вид смирно стоящей у поилок или спокойно хрупающей сено скотины действовал и вовсе успокаивающе. Ирко купил у проходящего мимо разносчика несколько пирожков, и мы тут же ими перекусили, присев на край поилки.

— Ну, теперь надо дорогу до городских ворот спросить и можно домой... — Ирко смёл с

куртки крошки и облегчённо вздохнул, но я осторожно возразила:

— А может быть, ещё погуляем?

Ирко посмотрел на меня так, точно я предложила ему полезть в кубло гадюк или завести вместо котёнка взрослую рысь:

— Погуляем?.. Здесь?

— Ну да... — Я уже не только свыклась с ярмарочным многоголосием, но и вспомнила, сколько радости доставляли мне такие гулянья в детстве. — Здесь весело, Ирко: есть качели, представления с куклами, можно сказочников или песенников послушать, а если немного задержаться, то и потанцевать...

Пока я говорила, Ирко не переставая смотрел на толпу — я видела, как напряглись мышцы на его руках, как по лицу загуляли желваки... А потом он опустил голову и тяжело вздохнул.

— Я не могу, Эрка...

Я закусила губу, но спорить не стала — видела, что ему действительно тяжело, а Ирко снова вздохнул.

— Лучше бы ты что другое попросила... Но если хочешь — погуляй сама, а я тебя здесь подожду...

Я, ещё не веря такой удаче, искоса взглянула на него — мне было жаль оставлять своего новоиспечённого мужа одного и в то же время очень хотелось оказаться на ярмарке, среди запомнившегося с детства разноцветья... Ирко же, увидев мою нерешительность, не стал настаивать на своём, а отсыпал мне монеток, и попросил:

— Только не очень долго, хорошо?..

— Хорошо... — Получив разрешение, я больше не стала медлить. Легко подскочив со своего места, я нырнула в толпу, успев при этом улыбнуться и махнуть рукой оставшемуся возле поилок Ирко... А ещё через несколько мгновений я уже пробиралась к центру гулянья, то и дело посматривая по сторонам: кукольные представления слишком долгие, да и от крикливой лоточницы с ленточками и бусами я лишь отмахнулась, зато возле худенькой девочки с лохматым дрессированным псом задержалась надолго, а потом ещё и кинула ей сразу несколько серебрушек... После этого меня занесло к оружейникам, но, увидев их удивлённые взгляды, я поспешно ретировалась назад и, купив у очередного лоточника сразу два пряника — один предназначался для Ирко, вдруг ему это лакомство тоже придётся по вкусу? — как раз призадумалась над тем, куда идти дальше — на качели или к потешным мишеням, — когда прошлое неожиданно накрыло меня с головой, и я совершенно позабыла о том, который сейчас год...

Обычно Алого Мечника изображают хоть и молодым, но гневным — такие изображения, несмотря на красоту, зачастую пугают, но в Ильёо художник пошёл против привычных канонов. Его стройный, высокий Мечник был спокоен и серьёзен, а глубокие, серые глаза Бога Войны казались грустными и понимающими — он словно бы знал, какой бой кому предстоит, и сопереживал идущим на смерть ратникам... Впервые я увидела это изображение, когда мне было лет шесть, и с тех пор просто влюбилась в него — стоя подле матери, я не сводила взгляда с фрески, пытаюсь запомнить каждую чёрточку лица Мечника, каждый положенный художником на одежду и доспехи блик... Вечером перед сном я закрывала глаза и мысленно представляла его перед собой, только уже не картиной, а живого — вот он мчится на своём белом коне по чёрному, страшному лесу и ветер треплет его светло-русые волосы, вот он стоит на вершине Замковой Горы, высоко вскинув к небу

пылающий меч, вот ведёт за собою войско в блестящих латах...

Этими мечтаниями мне приходилось довольствоваться целый год — до тех пор, пока я снова не попадала в Ильё и вновь не видела столь любимое мною изображение... Правда, после Реймета я о своём Мечнике уже почти не вспоминала, а его изображение в моей памяти потускнело и подёрнулось дымкой... Как оказалось, лишь для того, чтобы теперь явиться передо мною вживую — среди сутолоки и разноголосия ярмарочной площади!..

— Нравлюсь? — весёлый и звонкий голос вывел меня из оцепенения, и я поняла, что похожий на Мечника парень уже стоит прямо передо мною... Теперь можно было понять, что сходство не полное — для того чтобы действительно стать похожим на моего Мечника, парню следует прибавить ещё лет пять-семь и возмужать, да и глаза у стоящего передо мною восемнадцатилетки были не грустными и понимающими, а шальными и весёлыми...

— Нет... — Думая, куда бы сбежать от такого позора, я оглянулась по сторонам, но более взрослые товарищи парня уже окружили меня со всех сторон. — Ты просто похож... На кое-кого...

— И на кого же? — В ожидании ответа парень улыбнулся, а я — все слова, подходящие для достойной отповеди, забылись почему-то напрочь — обречённо произнесла: — На Мечника...

Вокруг раздались смешки, а парень вдруг стал серьёзным и тихо спросил:

— Это предсказание, да? Ты вещунья?..

От такого поворота я окончательно растерялась и закусил губу, а стоявший слева от меня — самый старший из всей компании и белобрысый, сказал:

— Никакая она не вещунья, Ставгар, а невеста — видишь, какой узор на юбке... Но это даже лучше — поцелуй невесты удачу в бою приносит! Стребуй с неё, а то ведь эта поселянка прямо глазами тебя ела...

При последних словах я поспешила потупить, и мой взгляд наконец-то упал на куртку парня, которого белобрысый назвал Ставгаром... То, что я столкнулась не с простыми горожанами, было и так понятно, но вышитый на рукаве куртки герб изображал беркута, сжимающего в лапах сломанную стрелу... Бжестров... Корни этой семьи были сродни нашим, но Бжестровы были намного богаче и считались любимцами Владыки. Тем не менее старший из Бжестров приходил к нам в дом, чтобы поздравить моего отца с назначением в Реймет — говорил, что это доверие и честь, на границу с амэнцами не поставят кого попало... Говорить-то он говорил, да только потом наверняка пьянствовал на пару с Владыкой, пока мой отец до последнего держал осаждённый амэнцами Реймет!..

Тёплая ладонь осторожно коснулась моей щеки... И заставила вздрогнуть, точно от удара:

— Ну так как, красавица, — поцелуй или предсказание? — Ставгару явно понравилось предложение товарища. Он снова улыбнулся, пытаясь заглянуть мне в глаза, но я убрала от лица его руку: в одно мгновение меня словно выстудило изнутри — осталась лишь ярость. Холодная, горькая... Я посмотрела Ставгару в глаза и тихо, ясно произнесла:

— Лучше бы вы не невест на удачу целовали да в кабаках гуляли, а действительно воевали, а то амэнцы скоро в Ильё как к себе домой зайдут, а вы и не заметите...

Рядом кто-то — кажется, белобрысый — тихо охнул, а Ставгар дёрнулся так, точно я его кнутом ударила.

— Ты не смеешь так говорить! По какому праву?!

— По такому! — Больше всего мне сейчас хотелось выкрикнуть им в лицо имена отца и

Мики — погибших, преданных и оклеветанных князем с молчаливого согласия Бжестровов и им подобных, но вместо этого я развернулась и, оттолкнув в сторону одного из приятелей Ставгара, быстрым шагом направилась к мишеням, даже не посмотрев на потянувшихся за мною парней. Бросила медяшку следящему за стрельбой хозяину, взяла лук и затупленную стрелу. Повернулась к стоящему за моим плечом Ставгару.

— Цель?

Он, не колеблясь, ткнул в самую дальнюю. Я вскинула лук, натянула тетиву, прицелилась: «Стемба, где бы ты ни был... Помоги!» Стрела сорвалась в полёт, как только я мысленно произнесла последнее слово; больно ударила по незащищенному запястью тетива, а ещё через миг кто-то изумлённо крикнул: «В яблочко!»

Я посмотрела на мишень, но ничего не увидела — в глазах теперь всё плыло, точно в тумане... Ярость ушла так же внезапно, как и появилась, наступило горькое прозрение... Что я делаю?! Защищаю память отца? Устраивая дурацкое представление перед столичными молокососами?! Да они всё равно ничего и никогда не поймут!!! Отшвырнув лук, я стала торопливо выбираться из толпы, прижимая к груди пряники, — Ирко меня, наверное, уже дождался, а я... Ничего не скажешь, хорошая же из меня получилась жена — и часа после венчания не прошло, а я уже на парней засматриваюсь...

— Эй, подожди! Ты выигрыш не забрала! — Обернувшись, я увидела, что Ставгар, расталкивая людей, пробивается вслед за мной, и тут же прибавила ходу. Не хочу его больше видеть!.. И разговаривать с ним тоже не хочу!..

— Поселянка!.. Вещунья!.. Да подожди же!.. — Очередной окрик увязнувшего в толпе парня заставил меня припустить прочь со всех ног, но помчалась я почему-то не к поилкам, а в боковую улочку.

— Стой! — Сапоги Ставгара застучали по неровной брусчатке у меня за спиной, но я уже нырнула в переулок справа... Шарахнулась от выскочившей прямо из под ног кошки и почти тут же бросилась в открывшийся сбоку тёмный лаз...

— Вещунья!.. — Парень никак не желал отставать, и я вновь свернула в боковую улочку. Где-то рядом забрехала собака... Кто-то что-то сердито крикнул... Новый поворот, и я, споткнувшись о выступающий из кладки булыжник, растянулась на мостовой. Пряники улетели вперёд, башмачок с левой ноги куда-то назад... Поднявшись, я метнулась к пряникам — на счастье, они упали не в грязь, а на сухую брусчатку — подобрала их, сдула пыль...

— Эй, вещунья! Ты где? — Поняв, что Ставгар вот-вот появится из-за поворота, я, наплевав на босую ногу, припустила вперёд, к очередной развилке, и поспешно скрылась за углом дома...

В этот раз мне наконец удалось сбить его со следа — голос Ставгара донёсся до меня ещё лишь раз, да и звучал приглушённо. Я так и не замедлила своего бега по узким улочкам и, ведомая скорее удачей, чем чутьём, в конечном итоге вернулась на Рыночную площадь, выскочив из-за поворота прямо к поилкам, возле которых стоял Ирко.

[Купить полную версию книги](#)